

**ФЕДОР
ЗАРИН-НЕСВИЦКИЙ
ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ**

Федор Зарин-Несвицкий
За чужую свободу

«Public Domain»

1910

Зарин-Несвицкий Ф. Е.

За чужую свободу / Ф. Е. Зарин-Несвицкий — «Public Domain», 1910

Роман русского писателя Ф. Е. Зарина-Несвицкого повествует о событиях, происходящих во время знаменитого заграничного похода российской армии в 1813 – 1814 гг. Главного героя – молодого офицера Льва Бахтеева – ждут испытания на полях сражений, раздумья о судьбе России, поиски смысла жизни, романтическая любовь. Книга написана в лучших традициях русского исторического романа и, несомненно, заинтересует всех поклонников этого жанра.

© Зарин-Несвицкий Ф. Е., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	7
III	10
IV	14
V	16
VI	20
VII	22
VIII	24
IX	26
X	29
XI	31
XII	34
XIII	36
XIV	39
XV	42
XVI	45
XVII	47
XVIII	50
XIX	52
XX	55
XXI	57
XXII	59
XXIII	63
XXIV	66
XXV	68
XXVI	71
Часть вторая	75
I	75
II	78
III	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Федор Ефимович Зарин – Несвицкий За чужую свободу

Часть первая

I

На Невском кипела жизнь. С дикими возгласами: «Поди! Поди!» – неслись по улице среди безлиственных деревьев, посаженных вдоль тротуаров, нарядные сани и кареты цугом. Многочисленные толпы гуляющих медленно двигались от самого адмиралтейства до Гостиного двора и обратно.

Был один из тех ясных полу-весенних дней, которыми иногда так прекрасна северная столица в конце февраля и начале марта. Снег еще не сошел, но в воздухе уже веет теплое дыхание весны. Толпа имела праздничный вид. В длинных пальто с собольими и лисьими воротниками и огромными муфтами в руках шли дамы, сопровождаемые ливрейными лакеями; с лорнетами, в высоких цилиндрах, в узких пальто, с разрезом сзади, перехваченных в талии, гуляли модные франты; изредка мелькали из-под небрежно накинутых шинелей цветные мундиры офицеров.

Особенно много народа толпилось у Гостиного двора. Модные магазины, носившие прежде названия: «M-me Justine de Paris», «Modes de Paris» и проч., теперь красовались под вывесками «московских» и «русских» магазинов. Эти магазины походили на осажденные крепости, до такой степени рвались в их двери целой толпой дамы, при помощи ливрейных лакеев, прокладывавших им путь. Стоял невообразимый гомон.

Среди нарядных экипажей странное впечатление производила простая пароконная почтовая бричка с сидевшим в ней офицером. Офицер сидел, плотно закутавшись в меховой плащ, надвинув на глаза треуголку. На него обращали внимание.

– Не из армии ли? Курьер? – слышались случайно брошенные фразы, но его сейчас же забывали.

А офицер сосредоточенно и пытливо смотрел вокруг, и в душе его было смутно и тяжело. Он только что совершил далекий и трудный путь среди опустошенной России.

Он видел одну пустыню вместо цветущего края, видел тысячи неубранных трупов, валяющихся по дороге и заражающих воздух своим гниением. Видел сожженные деревни, крестьян, превратившихся в бродяг, живущих целыми семьями в лесах, под открытым небом, видел развалины барских усадеб, и смерть, и голод... Только что прошел страшный двенадцатый год, оставя за собой следы ужаса и гибели, и вот здесь, в столице, все по – прежнему, как будто ничего не случилось, как будто русская истощенная армия не преследует еще врага и не предстоит новой, быть может, ужаснейшей войны... И новые жертвы, и новые опасности для родины...

– Скорей! – нервно сказал он ямщику, плотнее закутываясь в свой плащ.

На его молодом лице с резкими чертами появилось выражение страдания, и он ниже опустил голову.

Ямщик хлестнул убогих лошадей. Они прибавили ходу. Бричка миновала Невский проспект и свернула на набережную.

– Стой, здесь, – проговорил офицер, указывая на темный особняк.

У дверей подъезда стоял швейцар в ливрее, с огромной булавой в руках. Он с некоторым пренебрежением смотрел на молодого офицера, приехавшего в таком убогом экипаже.

Офицер расплатился с ямщиком, должно быть, очень щедро, судя по поклонам и благодарностям ямщика, и направился к подъезду.

Решительное выражение его лица, уверенная походка и властный взгляд заставили швейцара почтительно распахнуть тяжелую, мореного дуба дверь и снять шапку с галунами.

– Князь у себя? – резко спросил молодой офицер, сбрасывая на руки швейцара свой плащ.

– Так точно, – ответил швейцар, – их сиятельство у себя.

На молодом офицере была форма гвардейского кавалерийского полка – красный короткий мундир, срезанный у пояса, шарф, завязанный бантом, лосины и ботфорты с золочеными шпорами. На поясной золотой портупее висела большая, с широким эфесом сабля. – На одно мгновение молодой человек остановился перед большим венецианским зеркалом в раме темного серебра, поправил кок и височки. Зеркало отразило холодное, красивое лицо с правильными чертами, плотно сжатыми, чуть полными губами и большими серыми глазами, оттененными черными бровями и ресницами.

На красном мундире белел крестик.

Лакей в белых чулках, красных туфлях и ливрее с княжескими гербами встретил молодого офицера на площадке лестницы, уставленной цветами и украшенной статуей императрицы Екатерины во весь рост, со скипетром в руке и бюстами императоров Павла и Александра.

– Доложи князю, – коротко произнес молодой офицер: – князь Бахтеев.

На лице лакея промелькнуло выражение почтительного удивления. Он низко поклонился и произнес:

– Прошу ваше сиятельство следовать за мною.

Бахтеев прошел в большую приемную залу, там стоял другой лакей, которому первый что-то сказал. Лакей с почтительным поклоном удалился.

Князь Бахтеев подошел к окну. Прямо перед его глазами была Нева, еще скованная льдом. По набережной гуляла праздничная толпа, неслись экипажи – обычная картина холодного, равнодушного Петербурга...

«А Москва в развалинах», – думал Бахтеев. И ему невольно рисовался полуразрушенный Кремль, дымящиеся развалины; гниющие трупы, опустелые и ограбленные храмы – все, что он видел, что пережил и перечувствовал за эти восемь месяцев.

Восемь месяцев! Только! А кажется, что прошло столетие!

Суровее сдвинулись черные брови.

– Его сиятельство просит вас, – раздался за ним голос.

Офицер очнулся от своих мыслей, круто повернулся и через анфиладу роскошно убранных комнат последовал за лакеем.

Двери кабинета распахнулись. Два лакея стояли по бокам, почтительно склонив головы, и князь Бахтеев переступил порог.

II

За большим столом сидел старик в темно – синем бархатном халате, с открытой шеей.

Это был князь Никита Арсеньевич Бахтеев; его голова поражала своей благородной красотой. Большая, увенчанная седыми кудрями, с широким лбом, орлиным носом и зоркими, яркими глазами под непосевшими бровями. Что то львиное виделось в этой голове.

Молодой офицер быстро шагнул вперед и произнес:

– Это я, дядя.

Легкая улыбка скользнула по губам старика.

– Левон! – воскликнул он, приподнимаясь. – Наконец-то! Ну, иди, иди, дай обнять тебя. Так ты еще жив? – говорил старик, пока молодой человек обходил стол. – Скажи, пожалуйста, – продолжал он, обнимая племянника, – так ты воскрес из мертвых? А мы думали, что ты уже отправился к праотцам. – В легком, насмешливом тоне старика слышалось истинное чувство. – Ну, садись, Левон, и рассказывай. Ведь больше месяца, как я получил от тебя из имения последнее известие, а до той поры считал тебя погибшим, да и потом, ожидая твоего приезда столько времени, уже начал думать, что тебя и в живых нет. Уж собирался посылать к тебе.

Левон, или, вернее сказать, Лев Кириллович, опустился на стул рядом с креслом дяди и сказал:

– Вы правы, дядюшка, я воскрес из мертвых...

– Да постой, постой, – перебил его старик, – ведь я твой опекун и хотя потерял надежду когда-либо увидеть тебя вновь, все же твое состояние соблюл. Ведь тебе уже исполнился двадцать один год.

Лев Кириллович нетерпеливо передернул плечами:

– Потом, дядя...

– Ну, как знаешь, Левон, – равнодушно ответил князь. – Все в порядке. Ну, говори же о себе.

– Мой рассказ короток, дядя, – начал молодой человек, – таких, как я, «без вести пропавших», тысячи. Мы давно расстались с вами.

– Да, – отозвался старый князь, – с тех пор, как ты поехал в Вильну с государем, чуть что не накануне вторжения нашего Атиллы, я не видел тебя, хотя слышал о тебе. После Бородин Михаил Ларионыч писал мне о тебе, о твоих подвигах, – с ласковой усмешкой закончил старик, – ведь я тоже интересовался тобой.

– Все это вздор, – ответил, тряхнув головой, Левон, – я был не хуже и не лучше других. Мы все исполнили свой долг.

Старик кивнул головой.

– От князя Бахтеева, – серьезно сказал он, – иного нельзя и ждать.

– Ну, так вот, – продолжал молодой князь, – все шло хорошо. Не повезло под Красным, пятого ноября. Там я был ранен. В бедро и грудь. Спервоначала думали, что я убит, и бросили меня. Потом в реляции поместили, что убит. Потом подобрали меня. Мытарили, мытарили, то в подвижном лазарете, то задумали в Вязму отправить, а тут мои ополченцы забрали меня, да и свезли в могилевскую вотчину... Там и валялся... Не знаю, как выжил. Дом у нас уцелел, а кругом разруха полная. Без памяти валялся. Как немного пришел в себя, тотчас вам о себе написал.

– По твоему письму я думал, что ты совсем оправился, – сказал князь.

– Я сам так думал, – ответил Лев Кириллович, – да опять стало хуже. Ежели бы я не узнал, что враг изгнан из пределов России, я постарался бы выздороветь раньше, – с усмешкой добавил он. – Зато теперь предстоит новый поход, я и поправился и приехал сюда хлопотать снова о назначении в действующую армию.

Старый князь слушал его, не прерывая.

– Надо, во – первых, – продолжал Левон, – доложить, что я жив, и внести меня вновь в списки полка. А потом поехать туда.

– Все это нетрудно, – медленно начал старик, – но на какой ляд ехать тебе туда?

– Как на какой ляд! – воскликнул изумленный Левон. – Но ведь я же читал манифест императора – война переносится за границу.

Старик махнул рукой.

– Либо будет, либо нет, либо дождик, либо снег, – сказал он. – Война! Какая война? Мне наемни говорил граф Николай Петрович, – знаешь, канцлер? – все-де вздор. Россия потоптана, разорена. Тут своего дела не оберешься. Чего лезть в рот волку. И за что? Разве за прекрасные глаза короля прусского! Ну, брат, это дешево стоит... Я тебе вот что скажу, – понижая голос, продолжал старик, – не надо ни крови проливать, ни геройствовать. Бонапарт пойдет на все. Он даст нам Польшу, Мемель и, может быть, Данциг; Магдебург – королю Пруссии, другу нашего государя, – и все успокоится. Ей – ей, будь жива матушка Екатерина, никогда того не было бы. – Старик встал. – И еще слушай, – торжественно начал он, – союз с Бонапартом дал бы нам Турцию, Византию, мы бы с распущенными знаменами вошли в Константинополь... Мы поделили бы с Бонапартом мир пополам. Что нам немцы? Нам ли проливать за них кровь!.. Это понимала великая государыня.

Этот величественный старик со своей гордой львиной головой словно сразу переносил Левона в век Екатерины, с горделивыми мечтаниями светлейшего князя Тавриды о завоевании Константинополя, с ее недоверчивостью к политике кабинета Фридриха Великого... Левон тоже встал.

– Быть может, вы и правы, дядя, но на то и созданы мы, чтобы идти в бой. Стыдно жить такой жизнью, как живут у вас здесь, когда сам император находится во главе своих войск.

Старый князь уже успокоился и с обычной усмешкой опустил в кресло.

– Ну, что ж, тогда прогуляйся. Пожалуй, и правы умные люди... Сделайте военную прогулку, пока Бонапарт не соберет новые полчища, а там все уладится. Я не верю, – уже серьезно добавил старик, – чтобы государь бросил разоренную Россию и платил русской кровью за разбитые прусские горшки. Поживем – увидим. А теперь скажи, – ты ведь остановишься у меня?

– Если позволите, дядя, – ответил Левон. – Я уже велел своим людям привезти сюда мое походное имущество. Я рассчитывал на ваше гостеприимство.

– Ну, и умница, – сказал князь. – Но когда же ты приехал? – продолжал он, окидывая взглядом нарядный костюм племянника.

Левон заметил этот взгляд и засмеялся.

– Я приехал вчера вечером, – ответил он, – и остановился у заставы в гостинице «бригадирши», знаете?

Князь кивнул головой.

– Там я выспался. Утром почистился, и вот я при полном параде.

– Ну, и отлично, – отозвался старый князь. – А теперь и мне надо привести себя в порядок. Ты подожди, я оденусь и тогда представлю тебя твоей тетке.

На лице Левона отразилось недоумение.

– Тетке? – переспросил он.

– Ах, да, – заметил Никита Арсеньевич, – я и забыл, что ты с того света. А, впрочем, я писал тебе...

– Я не получал ваших писем, – отозвался Левон.

– Я так и думал, – продолжал князь, – я ведь женился.

Он сказал это спокойным голосом, между тем как глаза его пристально следили за выражением лица племянника, как будто он ожидал насмешливого удивления или тайного осуждения.

Но Левон был далек от этого. Его первоначальное удивление было вызвано неожиданностью известия – и только.

А так, при взгляде на этого красавца богатыря, крепкого и могучего, несмотря на семьдесят лет, он находил вполне естественным сам факт женитьбы. Да, этот старый лев, в обаянии своего имени, сказочного богатства и былой славы, друг Потемкина и в свое время любимец Екатерины, еще мог нравиться женщинам.

– Поздравляю вас, дядя, – спокойно произнес Левон, – я уверен, что вы счастливы.

Никита Арсеньевич кивнул головой и, вставая, произнес:

– Так подожди.

Он вышел из кабинета.

Лев Кириллович был последним в роде князей Бахтеевых. Мать его умерла, когда ему было несколько лет, а отец, младший брат Никиты Арсеньевича, погиб в 1799 году во время итальянского похода Суворова. Он умер в Милане от острой лихорадки.

По повелению императора Павла Никита Арсеньевич был назначен опекуном семилетнего Левушки.

Левон получил блестящее образование под непосредственным наблюдением дяди. Он свободно владел тремя языками, прекрасно знал французских энциклопедистов, обожал Вольтера и Руссо.

Шестнадцатилетним прапорщиком Лев Кириллович по лучил боевое крещение при Прейсиш – Эйлау.

Потом вел обычную жизнь богатого гвардейского офицера и в начале войны двенадцатого года отправился в действующую армию.

Там он заслужил Георгиевский крест и чин ротмистра.

III

Лев Кириллович невольно залюбовался дядей, когда тот вошел в кабинет; высокий, стройный, в коричневом фраке, с кружевным жабо, в шелковых черных чулках и черных туфлях с бриллиантовыми застежками, с неизменной золотой табакеркой в руке.

Эта табакерка, украшенная портретом Екатерины, была подарена князю великой императрицей.

Никто не дал бы этому величественному старику семидесяти лет.

– Ну, идем, Левон, – произнес он.

– Дядя, – сказал Левон, – вы еще не сказали мне, как звать мою тетушку.

– Ах, да, – усмехнулся князь, – правда. Я женился на дочери Буйносова, знаешь, сенатора, Евстафия Павлыча, – Ирине. Ты ведь встречался с ним до войны?

– Как будто встречался, дядя, – ответил Лев Кириллович, – но не помню хорошо.

– Ну, теперь вспомнишь, – отозвался князь. – Наша свадьба была в ноябре, – добавил он.

Они прошли через ряд парадных комнат, на половину княгини.

– Есть кто-нибудь у княгини? – спросил князь лакея.

– Так точно, их сиятельство сегодня принимают, – ответил лакей, подымая тяжелую портьеру, из-за которой слышались голоса.

С чувством невольного любопытства Лев Кириллович переступил порог гостиной вслед за своим дядей.

При их появлении разговоры на миг смолкли. В гостиной, кроме княгини, было еще трое мужчин и одна дама.

Отдав общий поклон, князь прямо направился к своей жене.

– Irene, – начал он, – позвольте представить вам вашего племянника Левона Бахтеева.

И он указал рукой на стоявшего за ним Льва Кирилловича.

В эти короткие мгновения, пока молодой Бахтеев шел от порога до кресла княгини, он уже успел и рассмотреть свою новую тетушку, и проникнуться восхищением перед ней.

Перед ним была совсем молодая женщина, лет девятнадцати, чрезвычайно красивая, но с холодным, надменным лицом не русского типа.

Словно из пены, вырисовывалась из драгоценных, слегка желтоватых кружев небольшая черноволосая головка с чертами Саломеи или Юдифи, с необыкновенно большими темными глазами, мерцающими без блеска. Тонкие ноздри изящно очерченного орлиного носа слегка трепетали, ярко окрашенные губы были плотно сжаты.

Не выказывая ни удивления, ни радости, она быстрым взглядом окинула с головы до ног стройную фигуру» племянника» и протянула ему бледную тонкую руку со словами:

– Какая приятная неожиданность! Князь был в отчаянии, считая вас погибшим.

– И какая приятная неожиданность для меня, – ответил Лев Кириллович, целуя протянутую руку, – воскресши из мертвых, найти, кроме любимого дяди, еще очаровательную тетю.

Княгиня легким наклоном головы, без улыбки, поблагодарила за любезную фразу.

– Теперь я познакомлю тебя с моими милыми гостями, – произнес князь.

Прежде всего он представил племянника пожилой даме с большим коком на голове – княгине Напраксиной, известной в высшем обществе столицы своим ханжеством, смешанным с мистицизмом, вдове полковника, убитого в сражении при Аустерлице.

Ее дом был вечно наполнен всякими проходимцами, французскими эмигрантами, прикрывавшими свою трусость и свое корыстолюбие маской преданности» законному» королю Франции, аббатами и иезуитами, проклинавшими Наполеона за конкордат и пленение папы и ловившими рыбу в мутной воде, безграмотными странниками, невежественными доморощен-

ными пророками, проповедующими свое извращенное толкование Евангелия в целях разврата и корысти.

Говорили, что вдовствующая императрица Мария Федоровна интересовалась княгиней Напраксиной, что сам император вел с ней не раз продолжительные беседы.

Княгиня Напраксина не опровергала и не поддерживала этих слухов.

Но было несомненно, что она пользовалась расположением вдовствующей императрицы.

Старый князь Бахтеев, скептик и вольтерьянец, никогда не упускал случая как-нибудь посмеяться над княгиней.

И теперь, представляя ей своего племянника, он сказал:

– Обратите его, княгиня, в свою веру; он слишком военный. Не сделаете ли вы из него пророка или по крайней мере апостола? Человечество нуждается в тех и других. А для наших дам, утративших всякую веру, они необходимы. Особенно молодые и красивые.

Княгиня бросила на него злобный взгляд и ответила:

– А для мужчин, особенно старых, потерявших веру в Бога, нужны пророчицы, конечно, молодые и красивые.

Легкая краска выступила на бледных щеках князя Никиты, но он с легким поклоном возразил:

– Клянусь Богом, вы правы, княгиня. Нас, старых грешников, может направить на путь истины лишь молодость и красота. Мы достаточно стары и опытны, чтобы проникаться ханжеством своих ровесниц.

– Надеюсь, князь, – сказала княгиня, – вы не успели еще насадить в душе вашего племянника гибельных доктрин революционной Франции, ниспровергающих троны.

– Спросите его, княгиня, – равнодушно ответил князь.

– Приходите ко мне, молодой человек, – милостиво заметила княгиня, – с удовольствием глядя на красивую фигуру молодого офицера.

Лев Кириллович низко поклонился, целуя ее руку.

– А это наш вице – канцлер, – с усмешкой продолжал князь, знакомя Левона с молодым, изящно одетым человеком.

Это был секретарь канцлера Румянцева – Бахметьев Григорий Иванович.

– О, князь, – произнес он, – я самый маленький из всех секретарей графа.

– Но, но! – ласково заметил князь, отходя.

– Господин Гольдбах, позвольте представить вам моего племянника, – проговорил по – немецки князь.

В черном фраке, с большим белым галстуком на шее, Гольдбах церемонно поклонился.

– Это тоже один из вершителей наших судеб, – смеясь, сказал князь, – секретарь и правая рука барона фон Штейна.

– О, ваше сиятельство, – ответил немец, низко кланяясь.

– Не скромничайте, господин Гольдбах, – продолжал князь, скажите, какие новости вы имеете от барона?

– Последние известия были от барона очень утешительные. Русский император учреждает патриотический комитет по делам Прусского королевства, – ответил Гольдбах. – В состав комитета вошел и барон.

– Ну, конечно, – отозвался князь, – а у нас тут тоже образовывается комитет по оказанию помощи потерпевшим от неприятеля в минувшем году. У нас хлеба нет, господин Гольдбах, – закончил он.

Гольдбах сочувственно покачал головой.

– О да, – сказал он, – но ваш государь так добр, он истинный отец своих подданных. Закончив дела за границей, он, конечно, благодетельствует и Россию.

В своем патриотическом настроении Гольдбах едва ли сознавал, что он сказал. Ему казалось совершенно естественным, чтобы его родина всегда и везде была первым предметом забот всех государей и всех народов.

На при этой наивно дерзкой фразе старый князь вспыхнул и, отступив, насмешливо заметил:

– Да, наш государь очень добр, вы правы, господин Гольдбах, он действительно добрый отец, и мы ждем хлеба и, конечно, получим его; вам ведь известно изречение, – закончил князь: «Ein guter Vater giebt seinen Kindern nicht einen Stein, wenn sie Brot bei ihm bitten».

Ошеломленный Гольдбах не успел ответить и еще решал, обидеться или нет, как Никита Арсеньевич уже отошел от него с довольной усмешкой.

Внимание Льва Кирилловича давно уже привлекал третий гость, красивый молодой человек с бледным, утомленным лицом и черными усами. В петлице его фрака краснела ленточка. Лев Кириллович подметил его острый, сверкнувший ненавистью взгляд, брошенный на Гольдбаха.

– А вот и самый мой дорогой гость, – с внезапным чувством произнес князь, останавливаясь перед этим бледным молодым человеком и нисколько не заботясь, по свойственной ему манере величавой надменности, как отнесутся к его словам остальные гости. – Протяни ему руку, Левон, – это наш благородный враг, виконт де Соберсе. Виконт, – обратился он к своему гостю, – это мой племянник князь Бахтеев. Он храбро сражался с вами, но мы умеем уважать доблестного врага.

Старый вельможа Екатерины был величествен в эту минуту. Свободной гордостью и сознанием силы веяло от всей его могучей фигуры и прекрасного лица, обрамленного массой седых кудрей.

– Вы очень великодушны, князь, – слегка глухим голосом произнес виконт. – Только ваша доброта позволяет переносить мне мое тягостное положение...

– Но, но, – ответил князь (у него была привычка повторять в разговоре: но, но!), – не будем говорить об этом.

Лев Кириллович пожал протянутую руку. Исполнив свои обязанности, князь отошел к жене.

– Вы сами военный, – быстро начал француз, обращаясь к Льву Кирилловичу, – вы, конечно, поймете меня. – Его щеки покраснели. – Я полковник легкого конного полка кавалерии неаполитанского короля... Я в плену... Вам известно, что война перенесена за границу. Вы можете представить мои чувства. Я был при Маренго, Аустерлице, Иене, Фридрихсвальде и Ваграме... Сам император вручил мне этот крест Почетного Легиона на полях Ваграма. Могу ли я быть спокоен, томясь в плену, когда новая, страшная война началась против моего императора. Вы ведь понимаете меня?

– О да, – ответил Бахтеев, – я понимаю вас, я бы сам испытывал на вашем месте те же чувства.

– Вот видите! – воскликнул француз. – Мне тяжело видеть торжество победителей... Но, быть может, благоразумие одержит верх. Император Наполеон всегда высоко ставил императора Александра. Они могли бы поделить мир пополам...

– Это говорит и мой дядя, – ответил Лев Кириллович.

– Вот видите, видите, продолжил Соберсе, – граф Румянцев, ваш канцлер, против войны. Говорят, князь Кутузов тоже против. Ваша родина разорена. Чего же хотите вы? Увлекаясь личной дружбой к прусскому королю или ненавистью к Наполеону, ваш император губит свою империю.

– Я не могу обсуждать поступков моего императора, – сухо отозвался Лев Кириллович.

– О, я понимаю вас, – воскликнул Соберсе, – я знаю, что значит преданность императору. Но я хочу сказать, что, несмотря на войну и поражения, мы не чувствуем к вам ненависти. Ведь и вы тоже? Да?

– Да, – ответил Бахтеев, – вы правы. Хуже всех вели себя в России немцы и особенно баварцы.

– Видите! И вы хотите их защищать! – с горечью воскликнул Соберсе.

Этот пленный французский офицер внушал Бахтееву невольную симпатию.

– Мы еще поговорим, – сказал он, пожимая руку француз.

А в другом углу салона слышался слащавый голос Гольдбаха:

– Наши герои Штейн и Шарнгорст. Вся Германия восстала. У нас есть свои Тиртеи, Арндт и Кернер. У нас будут и свои амазонки и свои Жанны д'Арк. Пожертвования текут рекой. За железное кольцо – символ жертвы родине – отдают последнее достояние. «Отдаю золото за железо» («Gold gab ich für Eisen»), как выгравировано на этом кольце. Наши потомки будут с гордостью показывать это железное кольцо – символ героизма и самоотверженности. Германия восстала, как один человек. Студенты, профессора, как великий Фихте, художники, как Щадов, поэты, как Кернер и барон де ля Мот – Фуке, идут в ряды народной армии. За это железное кольцо наши девушки отдают золото своих волос. О! Германия освободит мир от этого чудовища! – с пафосом добавил Гольдбах.

– При помощи русских штыков, конечно, – насмешливо проговорил князь Никита.

При этих словах Гольдбах сразу остыл и словно отрезвел от своего увлечения.

– Вы забываете, дорогой Гольдбах, – все тем же тоном старого вельможи продолжал князь, – что Наполеон еще располагает силами Рейнского союза, а Пруссия... Ну, да, конечно, у Пруссии нет более Фридриха Великого.

И князь отвернулся от смущенного Гольдбаха.

– Союз с Пруссией заключен шестнадцатого февраля в Калише, – лениво произнес Бахметьев.

– Хвала Богу, – отозвалась Напраксина, – рука Провидения указывает путь спасения народов от антихриста.

Видя, какой оборот принимает разговор, Соберсе незаметно вышел из комнаты.

– Рука Провидения, по моему мнению, – насмешливо сказал старый князь, – должна бы указывать на разоренную и испепеленную Россию. Здесь наше дело. Мы спасли себя, и довольно. У меня вот рекрутов требуют. Найдут ли – не знаю! Но кого найдут – те пойдут. Они пойдут, – с силой добавил он, – оставя свои разоренные гнезда, невспаханную землю, умирающие от голода семьи. Они пойдут. Куда? Зачем? Спасать чужие народы? Поистине перст Провидения указывает не туда, куда нужно.

– Вы кощунствуете, – с негодованием произнесла Напраксина, – разве наш император не Божий помазанник?

– Император остается императором, – сухо произнес князь, – но Россия тоже остается Россией.

Лев Кириллович с глубоким вниманием слушал эти разговоры. И странно, прирожденный воин, он шел теперь на новую войну без увлечения, без сознания необходимости и правоты того дела, за которое он готовился умереть.

Эти разговоры были как бы подтверждением его внутренних опасений.

Княгиня молча слушала, и на ее холодном прекрасном лице не выразалось ни единого движения чувств, быть может, волновавших ее душу.

IV

Устроившись у дяди, Лев Кириллович принялся за хлопоты. Прежде всего ему надо было восстановить свои права, так как он был исключен из списков армии за смертью», и затем получить назначение в действующую армию.

С отъездом государя в армию словно наступила полная анархия во внутреннем управлении государства.

Государь уехал еще 7 декабря, в сопровождении обер – гофмаршала графа Толстого, государственного секретаря Шишкова, графа Аракчеева, статс – секретаря графа Нессельроде, д. ст. сов. Марченка и своего неизменного друга генерал – адъютанта князя Петра Михайловича Волконского.

Во всех правительственных учреждениях царил невообразимый хаос. Огромная империя, хотя победоносно вышедшая из тяжелого испытания, но все же разгромленная, обнищавшая и разоренная, колебалась на своих могучих корнях. Все органы управления были расстроены, местные правительственные учреждения растеряли все свои документы, дела судебные, имущественные, все то, что сплетает в один клубок судьбы людей. Неоконченные тяжбы, спорные процессы, бесчисленные ходатайства по самым разнообразным вопросам – все пришло в хаотический беспорядок. Новая начавшаяся война наносила последний удар всем надеждам. Тысячи просителей, разоренных помещиков, искалеченных солдат и офицеров, осаждали канцелярии, не встречая ни приветов, ни ответов. Империя была похожа на титана, захворавшего тяжелой болезнью. Ей был нужен покой и отдых после страшных нечеловеческих напряжений минувшего года, когда волна народного чувства достигла своей предельной высоты и теперь вдруг отхлынула, открывая бездну нищеты.

Канцлер граф Николай Петрович Румянцев чувствовал себя обиженным и растерянным. От внешней политики он был совершенно устранен, что ставило его в неловкое положение перед представителями держав, находящимися в Петербурге. Государь взял непосредственно на себя все дипломатические сношения. Всеподданнейшие представления по внутренним вопросам оставались без ответа. Приходили только короткие распоряжения через Аракчеева о формировании регулярных батальонов, резервных эскадронов, ополчений и доставке провизанта. Набор рекрутов подвигался туго. Во многих дворянских поместьях не насчитывалось и десятой части прежде бывших крестьян. С мест приходили неутешительные вести. То здесь, то там вспыхивали бунты...

Канцлер, уже потрясенный войной двенадцатого года, стоившей ему паралича, после которого он оглох, терял голову.

Наконец не выдержал и послал прошение об отставке.

Прощение тоже осталось без ответа.

Общество обеих столиц резко разделилось.

Одна часть его, не думая о понесенных потерях, жаждала только довершить торжество России и питало непримиримую ненависть к Наполеону. В этой ненависти их укрепляло еще убеждение в невозможности для Наполеона вести новую войну после страшного разгрома, постигшего его в России. Поверхностные наблюдатели этого сорта считали его окончательно погибшим, чему много содействовали французские эмигранты, уже видевшие на престоле Франции Людовика XVIII; такие люди смотрели на новый поход, как на увеселительную военную прогулку. Другие, более знакомые с положением дел, во главе которых был канцлер, являлись убежденными противниками войны и надеялись, что после опустошительной войны двенадцатого года император Александр воспользуется случаем, видя могущество Наполеона поколебленным и в достаточной мере подняв воинственный шум, заключить выгодный для России мир.

В высшем же обществе господствовало по преимуществу первое мнение. Легкомысленное, как всегда, оно в своем невежественном патриотизме решило, что война должна быть закончена не иначе, как в Париже, куда, конечно, русские войска дойдут церемониальным маршем. Эмигранты уверяли, что Франция ненавидит тирана и его песенка спета. Гольдбах в светских гостиных говорил, что один вид германской народной армии заставит Бонапарта сложить оружие и повергнет в панический ужас всю Францию. Им охотно верили. Светские дамы сговаривались о поездке за границу, в Баден – Баден, к маркграфине – матери императрицы Елизаветы Алексеевны, куда собирались, как говорили, и сама императрица и великая княгиня Екатерина Павловна и где, наверное, так будет весело в обществе победоносных русских и прусских офицеров. Обеды и рауты сменялись одни другими...

– Два – три месяца, и мы в Париже, – говорили на светских собраниях. – У Наполеона нет ничего...

Радуюсь быстрому движению русской армии вперед, в Петербурге почти никто, за исключением очень немногих, не видел грозной тучи, чреватой громами и молниями, нависшей над Европой... К числу немногих принадлежал и князь Никита Арсеньевич.

– У них у всех отнял Господь разум, – говорил он Льву Кирилловичу в дружеской беседе. – Они восхищаются этими победами, но не понимают того, что Наполеон отступает, чтобы сделать прыжок тигра. У него ничего нет?! Сумасшествие! Он еще располагает силами Голландии и Италии, Баварии, Саксонии, Виртемберга, Бадена, Гессена и других членов Рейнского союза, король датский смотрит на него, как на своего покровителя. На престолах испанском и вестфальском его родные братья. Одно имя его внушает ужас!.. А вот смотри, – продолжал взволнованный князь. – Вот какие письма Штейна к императору... Вот каково отношение прусского короля к России... – И он передал письмо Льву Кирилловичу. – Я получил его от Румянцева, – добавил он.

Лев Кириллович с любопытством взял в руки письмо и стал читать. По мере того, как он читал, он все более и более поражался.

– Прусский король ведет себя как предатель!

– Да, – продолжал князь, – я понимаю Штейна: он патриот, но он хочет подменить прусского короля русским императором. Но нельзя быть прусским королем, оставаясь русским императором. У него есть свой народ, и надо думать о нем. Это безумие, – закончил князь, вставая.

– Однако, дядя, – произнес Лев Кириллович, – я не считал вас столь осведомленным. Вы открываете мне глаза.

Князь усмехнулся.

– Для этого только надо быть русским, а не Нессельроде, Поццо ди Борго или Винцингероде, – сказал он, – слава Богу, князь Бахтеев, Кутузов и Румянцев еще русские люди.

При словах Никиты Арсеньевича в уме молодого князя проносились страшные картины опустошенной, нищей, угнетенной России и пробуждалась ненависть к тем чужим людям, которые ценой русской крови хотели купить собственное благополучие и свободу.

Благодаря своему имени и связям старого князя Льву Кирилловичу скоро удалось восстановить свои права и получить назначение в действующую армию. Выбор полка был представлен ему. Румянцев дал ему письмо к главнокомандующему светлейшему князю Кутузову. Полк не был обозначен только потому, что молодой князь хотел непременно попасть в передовые части, а какие полки были впереди, доподлинно граф Румянцев не знал.

V

Но среди этих хлопот, в волнении новых мыслей, нахлынувших в его душу, Лев Кириллович испытывал смутное беспокойство, не связанное ни с этими хлопотами, ни с этими новыми мыслями.

Сперва, едва ощутимое, оно росло в его душе, постепенно завладевало им, лишало его сна и удовольствий. И причиной этих беспокойных настроений являлась княгиня. Ее все тот же надменный вид, прекрасное лицо без улыбки, ровное и холодное отношение к нему, несмотря на то, что он жил в доме князя и, следовательно, по самым условиям жизни был близок к ней как по родству, так и по дружбе дяди, волновали его. Все попытки сближения молодая княгиня холодно отклоняла.

«Что это значит? – с тоской думал князь. – Неужели я до такой степени ей противен?»

Но он бывал счастлив, если ему удавалось оказать ей какую-нибудь мелкую услугу: поднять уроненный платок, подать что-нибудь, исполнить небрежно выраженное желание вроде того, чтобы прочесть какой-нибудь роман *in me Jenlis* или стихи Жуковского. Тогда он рыскал по Петербургу, искал, находил книгу, что было иногда очень трудно, и с торжеством приносил ей.

В ответ он получал холодное:

– Merci, mon prince.

Она даже не звала его иначе, как «князь».

Когда же он робко начинал разговор об этих книгах, княгиня или отмалчивалась, или холодно говорила, что еще не прочла...

Князь заметил, что Ирина Евстафьевна была особенно близка с княгиней Напраксиной, и решил поехать к ней с визитом. И он собрался.

Его молодому воображению Ирина Евстафьевна представлялась каким-то сфинксом. Ему казалось, что словно какая-то тайна окружает ее. Княгиня равнодушно относилась ко всем светским развлечениям, едва замечала всеобщее поклонение, окружавшее ее, и вместе с тем, несомненно, ее жизнь была чем-то заполнена. Но чем? Она часто уезжала из дому, вела обширную переписку, посещала католические мессы в Пажеском корпусе и была частой гостьей княгини Напраксиной.

Лев Кириллович незаметно для самого себя мало – помалу увлекался этой живой загадкой и старался по возможности бывать там, где бывала молодая княгиня.

И теперь, едуци к Напраксиной, он с некоторым волнением ожидал встретить там княгиню Ирину.

Вступив в салон Напраксиной, князь застал там большое, по обыкновению смешанное общество. Черные сутаны католических священников странно перемешивались с цветными мундирами гвардейских офицеров, изящными фраками штатских и открытыми туалетами дам. Общее впечатление дополняли подрясник какого-то по виду захудалого православного священника и поддевка одного из гостей, худощавого высокого человека лет сорока, с острыми глазами, вьющейся бородой и темными кудрями, падавшими на низкий лоб. Этот человек был окружен изящными, декольтированными женщинами, жадно слушавшими его тихий, вкрадчивый голос.

Среди этих женщин была и Ирина Евстафьевна. С широко раскрытыми глазами, побледневшим лицом, вся подавшись вперед, она так близко сидела от этого человека, что почти касалась его коленями. Но она не замечала этого, вся обратившись в слух...

Враждебное чувство сжало сердце Льва Кирилловича.

Напраксина заметила его и поспешила навстречу.

– Как я благодарна вам, – искренно воскликнула она, протягивая ему руку.

– Я счел своим долгом быть у вас, княгиня, перед моим отъездом в армию, – ответил князь, целуя ее руку.

– О, вы не раскаетесь, – произнесла Напраксина, – вы удачно попали. Сегодня у меня много новостей. И сегодня у нас дорогой гость – отец Никифор! – и она указала на человека, рядом с которым сидела Ирина.

Князь удивленно поднял брови.

– Но ведь он, кажется, не священник, – сказал он. – Кто такой этот отец Никифор?

Напраксина тихо засмеялась.

– Ну, я вам прощаю ваше неведение, ведь вы воскресли из мертвых, – начала он. – Он не священник, да, это правда, но он святой муж, провидец... Вы знаете, – шепотом продолжала она, – это действительно пророк, это учитель чистой веры в духе Христа... Спросите у вашей юной тетушки... Его знает весь Петербург. Он предсказал взятие Москвы и гибель Наполеона. Он друг князя Александра Николаевича Голицына... О его пророчествах перед отъездом императора князь Голицын довел до сведения его величества. О, это необыкновенный человек!..

Князь был ошеломлен.

– Хотите, я познакомлю вас с ним? – продолжала княгиня.

– Ваша воля, княгиня, – ответил Лев Кириллович, – только я боюсь, что это знакомство будет мало приятно и вашему пророку и мне.

В этой фразе сказались обычная прямота и резкость молодого князя.

Он не верил ни в пророков, ни в пророчества, а близкое соседство княгини Ирины с «пророком» ему положительно не нравилось.

– О – го! Да вы не вольтерьянец ли, как ваш дядя? – с усмешкой произнесла княгиня. – Во всяком случае вы с ним познакомитесь.

– Конечно, – поспешил ответить князь, – я только хотел сказать, что представление меня ему ставит меня словно в толпу его поклонников, а этого я не хочу ни за что в мире.

– Я понимаю вас, – немного помолчав, сказала Напраксина. – Действительно, хотя он и святой, но он не нашего круга, и знакомство с ним должно произойти иначе. Ваша тетушка вам может много рассказать про него...

С этими словами она покинула князя, предоставив его самому себе.

К счастью, Бахтеев сразу встретил своих друзей.

Его приветствовали, как восставшего из мертвых. Вопросы посыпались, как град. Князь с увлечением отдался впечатлению встречи со старыми боевыми товарищами, но все же на его настроении лежала темная тень. Он не раз среди самого оживленного разговора с непонятным беспокойством обращал свои глаза на княгиню Ирину, и ему казалось, что он встречал ее холодный пренебрежительный взгляд.

Он не хотел по какому-то непонятному сложному чувству подойти к ней.

Бесшумно ступая по мягким коврам, лакеи разносили чай. Присутствовавшие разбились на кружки. Лев Кириллович уже отвык от общества; сдержанный гул негромких голосов стоял в салоне. В одном кружке у круглого столика старый сенатор со звездой на фраке, пожимая плечами, говорил:

– Мы идем вперед, как на маневрах, но все же эта военная прогулка стоит недешево. Не стоит овчинка выделки.

– Она слишком дорого стоит, граф, – раздался резкий голос, – я имел случай получить копию письма статс – секретаря Шишкова.

Все с удивлением посмотрели на только что вошедшего, молодого офицера, с нервным и желчным лицом, произнесшего эти слова.

– Новиков! – воскликнул Бахтеев, узнав своего однополчанина.

Новиков радостно взглянул на него и, крепко пожимая ему руку, сказал:

– Левушка, милый, как рад я тебя видеть. Сейчас я весь твой – дай кончить.

– Про какое письмо вы говорите? – спросил сенатор, щуря глаза.

– Про письмо Александра Семеновича, – ответил Новиков. – Ежели разрешите, я прочту из него.

– Очень обяжете, – наклоняя голову, произнес сенатор. Это был граф Телешев, известный масон, не особенно любимый императором, как он был нелюбим и его царственной бабкой.

Новиков вынул из кармана письмо.

– Письмо помечено, – сказал он, – девятнадцатым февраля, император был в Калише. Я хотел только указать на некоторые места этого письма.

Все слушали с напряженным вниманием.

– Вот что пишет Шишков.

И, раскрыв письмо, Новиков начал читать: «Февраля одиннадцатого дня мы приехали в Калиш. С неделю тому назад здесь было сражение. Войска ваши разбили саксонский корпус под начальством французского генерала Ренье, которого со многими офицерами и двумя тысячами рядовых взяли в плен».

– Видите, – прервал граф Телешев, – я говорил, мы идем церемониальным маршем...

– Да, – с загоревшимися глазами ответил Новиков, – а вот конец письма: «Недавно министр полиции получил донесение, что в двух губерниях – Смоленской и Минской – собрано и сожжено девяносто семь тысяч тел и что многие трупы еще и по сию пору валяются на поверхности земной...»

Наступило жуткое молчание.

– Россия превратилась в кладбище, – глухо сказал князь Бахтеев, – я сам видел...

– И вот, ваше сиятельство, – нервно продолжал Новиков, – мы, бросив родину, хотим освобождать Европу. Нет, – весь дрожа нервной дрожью, продолжал он, – вы сперва сожгите все трупы, что гниют на поверхности земной, восстановите испепеленные веси и города, дайте нам мир и благоденствие; а потом спасайте других. Когда горит ваш дом и гибнут ваши дети, не броситесь же вы спасать дом соседа.

– *Alea jacta est*, – произнес скромный голос молодого аббата. – Ваш император совершает великую миссию.

– Оставьте в стороне нашего императора, – резко ответил Новиков. – Мы говорим не о нем, и, – добавил он со злой усмешкой, – только мы, русские, можем иметь свое мнение о том, что нам нужно.

Бритое лицо аббата слегка покраснело.

– Россия идет во главе народов на великий подвиг, – ответил аббат. – Народы соединились в одну семью, религии смешались во имя одной великой идеи. Тут нет ни русских, ни немцев...

– Вы так думаете? – насмешливо бросил Новиков.

Аббат ответил легким поклоном, как бы показывая, что он не имеет желания продолжать спор на эту тему.

Сперва увлеченный разговором, Бахтеев вскоре почувствовал скуку.

«Ах, все равно, – думал он, – умирать так умирать! Победа всегда останется победой, во имя чего бы ни была. О чем думать? Броситься в кипень боя и умереть! Видно, такова судьба».

С увлечением ли, без увлечения он поедет на войну – не все ли равно! Он сумеет исполнить свой долг и умрет, если надо, не хуже других.

В настоящую минуту его больше всего интересовала княгиня Ирина. Он не хотел смотреть на нее и невольно смотрел. И вот его поразило странное выражение ее лица. Таким он не видел ее еще никогда. Ни надменности, ни холодности не выражало это лицо. Оно было кротко, умиленно. Слезы стояли в прекрасных глазах Ирины. Она была похожа на растроган-

ного ребенка. И эти глаза смотрели на отца Никифора, а в выражении лица этого пророка салона графини Напраксиной Бахтееву виделось что-то хищное и сладострастное, устремленное на прекрасное, склонявшееся перед ним лицо.

Это зрелище было тягостно для Льва Кирилловича.

Повинуясь невольному порыву, он круто повернулся и направился к кружку Напраксиной.

VI

Его приближение заметила княгиня Напраксина и с улыбкой кивнула ему головой. Это движение было замечено окружающими. Княгиня Ирина подняла глаза, слегка покраснела, потом нахмурилась, и лицо ее мгновенно привяло холодное обычное выражение.

Отец Никифор острым взглядом окинул фигуру молодого князя.

Лев Кириллович сразу подошел к Ирине.

– Здравствуйте, княгиня, я давно здесь, но не смел нарушить вашей благочестивой беседы, – сказал он с иронией, целуя ее руку.

– Однако нарушили, – стараясь под улыбкой скрыть свое недовольство, ответила княгиня.

Напраксина представила Бахтеева остальным дамам и, обратившись к отцу Никифору, сказала:

– Вот, батюшка, герой прошлой войны и будущей. Он едет на войну.

Бахтеев едва склонил голову, стоя молча и пристально смотря на лицо этого странного пророка.

Отец Никифор тоже несколько мгновений смотрел на него и потом, вдруг улыбнувшись, ласково сказал:

– Здравствуй, здравствуй, миленький. Так на войну? С Богом! Иди, иди, вернешься здоров... День наступает – день сей Господа Вседержителя, день отмщения врагам, и пожрет их меч Господень и насытится и упьется кровью их, яко жертва Богу в земли полунощной....

Последние слова отец Никифор произнес с диким воодушевлением.

Бахтеев невольно вздрогнул. В смотревших на него ярких пронзительных глазах, в тоне голоса, властном и глубоком, чувствовалась какая-то непонятная сила.

Пристальный блестящий взгляд производил странное впечатление, непонятно притягивая к себе и словно парализуя волю.

Но это впечатление было только мгновенно, потому что, прежде чем понять его, князь Бахтеев уже почувствовал раздражение против этого человека в поддевке, с такой уверенностью говорящего и смотрящего.

– Благодарю вас, господин пророк, – насмешливо сказал он, – за ваше любезное предсказание. Но не могу согласиться с вами, что настает день отмщения врагам. Этот день был и прошел. Мы достаточно отомстили. Пришла, быть может, очередь для других мстить за свои обиды – пусть мстят. И я полагаю, что его величество император не во имя мести поднял снова пламя войны...

Глаза отца Никифора на мгновение сверкнули словно угрозой и погасли. Он встал. На его губах играла ласковая улыбка. Он слегка поднял руку, словно для благословения.

Княгиня Ирина с нескрываемым негодованием смотрела на молодого князя, Напраксина почти с ужасом, так же, как и остальные дамы. Насмешливый тон Льва Кирилловича, его обращение «господин пророк», – все это являлось в их глазах неслыханной дерзостью.

– Я не пророк, миленький, – начал кротко отец Никифор, – где уж мне, недостойному...

– Извините, – перебил его князь, – я не знал, как величать вас.

– А Никифор Фомич, – ответил он. – Так вот, миленький. Не следует гнушаться моими словами... Я не пророк, миленький, – повторил он, – одно скажу тебе, и попомни слово мое. Воплотил Господь силу свою в образе Александра, и сокрушит он антихриста. И падет антихрист, и от гласа падения его потрясошася вся бывшая под сению его дерева, и сведошася во ад язвении от меча, и живущий под покровом его... Помни это и не сетуй на Божие веление.

Князь Бахтеев был изумлен.

Неужели, думал он, этот хитрый мужичонок прочел в его душе мучившие его сомнения?

– Во всяком случае благодарю вас за ваше предсказание, – сухо сказал князь и с легким поклоном отошел в сторону.

Его сейчас же подхватил под руку Новиков.

– А, каков пророк? – начал он. – Они, – он кивнул головой в сторону дам, – все сошли с ума.

– Я ничего не понимаю, – угрюмо ответил князь, – я так отстал от всего. Скажи, ради Бога, кто этот проходимец, откуда он появился и как попал в этот круг? Я ничего не понимаю. А между тем в нем есть что-то, – задумчиво закончил он.

– Да, – ответил Новиков, – это правда, в нем что-то есть. Откуда он взялся?.. От князя Голицына, Александра Николаевича, голубчик. Говорят, он предсказал в свое время смерть покойного императора, что и написал Кутайсову. Потом о нем забыли. Сам понимаешь, Кутайсов не мог сознаться, что по своей небрежности не распечатал присланного ему десятого марта письма, отправляясь к своей метреске Шевалье. Но это брешут; по моему мнению, этот слух пустил сам отец Никифор через светских дур. У меня тетка ханжа, фрейлина вдовствующей императрицы, так вот она и снабдила меня всеми этими сведениями. Этот самый Никифор выплыл через святошу князя Голицына. Он поразил его знанием Священного писания, изучением которого так занимается теперь Голицын. Нелегко было бедняге повернуть от Вольтера к Священному писанию... А тут этот Никифор. У Голицына полон дом юродивых. Ну, и облюбовал его. А этот проходимец так ловко подобрал тексты из каких-то пророков, что словно выходит – Священное писание только и пророчествует о величии нашего императора и России и об антихристе с запада – Наполеоне. Оно, конечно, занятно. А святоша наш весь этот подбор поднес государю императору. Дескать, посланец ты Божий... Говорят, что на императора сии выдержки произвели впечатление и будто он даже допустил к себе этого проходимца... И знаешь, – серьезно добавил Новиков, – когда моя тетушка ханжа душила меня этими пророчествами, ей – богу, я сам в ажиотаж пришел.

Князь Бахтеев передернул плечами.

– А о какой же новой вере говорила мне Напраксина? – спросил он.

– Вот тут-то и зарыта собака, – задумчиво ответил Новиков. – Что гнуснее всего, что он старается улавливать молодых и красивых и особенно богатых... Есть какие-то тайные собрания... Что там делают – один аллах знает... Но что-то гнусное... Не помню слова, как они называют свои собрания, но только, – с негодованием добавил он, – я знаю, сколько женщин бросают свои очаги и сходят с ума... Посмотри на свою тетушку, как она слушает этого пророка... Она, кажется, видит в нем нового Христа. Я же думаю, да и не я один, что проходимец этот не иначе как из хлыстов. Что-то похоже... Теперь их опять появилось видимо – невидимо. В Москве тоже какой-то пророк объявился. Тут, брат, прямо сумасшедшие какие-то... У Напраксиной – сам видишь что. У Батариновой тайные собрания, где бывают и хлысты, и скопцы, и монахи, и Голицын. Какие-то молельни открылись... пророки... пророчицы... Ничего не разберешь.

Бахтеев бледнел, слушая его. Словно бездны открывались перед его глазами.

– А этого пророка я бы повесил, – закончил Новиков, кинув в сторону Никифора.

– Я бы тоже, – глухо отозвался Бахтеев.

– Ну, однако я ухожу, довольно с меня, – сказал Новиков. – Не пройдем ли мы вместе куда-нибудь пообедать? Потолкуем, ведь я не сказал тебе еще самого главного: я еду в действующую армию. И при этом прошу перевода из гвардии в армию. Там ближе к делу...

– Вот как! – радостно воскликнул Бахтеев, – значит, вместе... Идем же, потолкуем на свободе.

Они незаметно вышли. Только Бахтееву показалось, что княгиня Ирина проводила его долгим враждебным взглядом.

VII

Князь Никита Арсеньевич сидел в своем кабинете и слушал доклад своего управляющего. Невысокого роста, пожилой, круглый, как шар, с почти голой головой, управляющий стоял перед князем с выражением почти ужаса на своем толстом красном потном лице.

Звали его Семеном Семеновичем Буровым, и был он коллежским регистратором по синодской канцелярии. Но служба его была совершенно фиктивная. И службу и чин получил он благодаря могущественной протекции князя Никиты. Он был сыном прежнего управляющего, очень ценимого за честность князем. Сын пошел в отца. Он был честен и предан князю. Отец его был вольноотпущенным, а сын был уже коллежским регистратором и дворянином.

Вести, привезенные им князю, были с его точки зрения ужасны, и он робел, как доложить их...

– Садись, Семен, – обратился к нему князь, – и говори. Садись, – уже властно повторил он, видя, что Буров стесняется.

Буров робко опустил на край стула...

– Ваше сиятельство, – дрожащим голосом начал он. – Нам негде брать рекрутов.

Князь забарабанил сухими пальцами по столу и, нахмурясь, молча ждал продолжения.

– Дела плохи, – продолжал Буров, отирая рукавом лицо. – Требуют, а что мы дадим?

У Бахтеева по всей России были раскинута богатейшие имения.

– А что в новгородской? – спросил он.

– Пусто, ваше сиятельство, – ответил Буров, – из ста пятидесяти восьми дворов не уцелело и десяти. Разбежались... Остальные голодают.

– А в нижегородской?

– Разбойниками стали, ваше сиятельство, в леса побегли, – ответил Буров, – а о рязанской и московской и говорить нечего – пустыня... Все порублено, потравлено... Люди, как звери, разбежались по лесам... Разбойничают, погибают целыми семьями, гниют... Ваше сиятельство, – со стоном воскликнул Буров, сползая со стула и став на колени, – ваше сиятельство, помилуйте! Грех перед вами совершил!.. Гневайтесь, судите. Видит Бог, иначе не мог!

Тяжелые крупные слезы текли по лицу Бунова. Лицо князя дрогнуло.

– Встань, – сурово сказал он, – и говори толком.

Буров с трудом поднялся с колен.

– В чем дело, говори, – повторил князь.

– А в том, – вдруг решительно начал Буров, однако весь дрожа, – что за сей год ваше сиятельство доходов не имеет. Что все хлебные запасы и дровяные я отдал вашим крестьянам, пожженные, голодные, они не имеют ни крова, ни пищи, и скотинку роздал, там коровок, там лошадок... Судите же меня, ваше сиятельство!

Семен Семенович снова бухнулся в ноги князю.

Несколько мгновений князь, словно ошеломленный, молчал. Потом его строгое, суровое лицо приняло странное, несвойственное ему выражение растроганности и умиленности.

– Встань, Семен Семеныч; подойди, обними меня, спасибо, – дрогнувшим голосом сказал он.

Буров быстро вскочил с колен и бросился к князю.

– Не надо, не надо, – говорил князь, отнимая свои руки, которые Буров хотел целовать.

Он крепко обнял Бунова.

– Ты верный человек, – сказал он, – и понимаешь меня. Бог даст, мы еще не разоримся, а как у племянника, – спросил он, – в могилевской?

– Хуже быть не может, – ответил Буров, отходя на свое место. – Ничего нет.

– Но ведь все же у нас деньги есть? – почти весело спросил князь.

Оживился и Буров.

– Еще бы, ваше сиятельство, – бодро ответил он, – только куры не клюют.

И он стал подробно докладывать князю о состоянии наличных счетов.

– Ну, значит, нечего и толковать, – уже совсем весело сказал князь. – Ты знаешь моего племянника Левона?

– Еще бы, ваше сиятельство, – отозвался Буров, – чай, в опеке у нас.

– Ну, так вот, – сказал князь, – Левон едет в поход. Открой ему счет. Что бы ни спросил – давай. Хоть меня разори, а ему не отказывай. Понял?

– Еще бы, – широко улыбаясь, ответил Буров. – По правде сказать, ваше сиятельство трудно разорить; вы вроде как граф Строганов.

Князь Никита усмехнулся.

– Это который всю жизнь одну цель имел – разориться, да и то не смог, как сказала моя незабвенная императрица, – ответил он. – Ну, что же, тем лучше. Вели-ка к себе прислать все счета из домовой конторы, там расплатишься. Да, – добавил он, – дела Буйносова очень плохи, должно быть?

Буров только вздохнул.

– Так вот, – продолжал князь, – я в эти дела не вмешиваюсь. Это дело княгини. Так помни: по требованию княгини чтобы все делалось скорее, чем для меня самого. Понял? И чтоб я и не знал об этом! Запомни!

– Слушаю – с, ваше сиятельство, – ответил, кланяясь, Буров.

– А я так и отпишу в военное министерство, – закончил князь. – Пусть ищут новых воинов, авось очухаются.

Отпустив Бурова, старый князь долго задумчиво ходил по кабинету.

VIII

Данила Иванович Новиков в полной парадной форме прямо из Казанского собора приехал к Бахтеевым.

Служили торжественный молебен по случаю занятия графом Витгенштейном Берлина. Присутствовала вдовствующая императрица с августейшим семейством. Говорили о какой-то решительной победе над вице – королем Евгением.

Новиков приехал раздраженный и недовольный.

Левон не присутствовал на этом торжественном молебствии. Он сказался больным и сидел дома. На самом деле, он чувствовал себя очень плохо. На душе его было смутно и тяжело. Он даже не хотел разбираться в своих чувствах.

«Ехать, скорей ехать туда», – неотвязно думал он.

Он боялся признаться самому себе в том чувстве, которое гнало его из Петербурга.

– Ей – богу, – раздраженно говорил Новиков, – я думал, что я в немецкой стране. Чему радоваться! Этот ханжа Голицын все время стоял на коленях... Канцлер не приехал... Только одна великая княгиня Екатерина Павловна была грустна... Она еще в трауре по мужу... И вообще было заметно, что это торжество ей не по сердцу. Был и отец Никифор. Противно смотреть, как он молился, стучая о пол лбом, со святошей Голицыным рядом.

Бахтеев слушал раздраженную речь Новикова, и в его воображении неотступно стояло лицо его юной тетки, каким он видел его только раз в жизни на приеме у Напраксиной.

– Дошли тревожные вести, – продолжал Новиков, – о здоровье Кутузова. И представь себе, – с негодованием добавил он, – это им все равно. Я сам слышал, как сказали, что этот старик только связывает руки императору... Вот благодарность! Нет! Опротивел мне Петербург, хоть к черту на рога – только бы отсюда, – закончил Новиков. – Твой дядя один из тех, кто понимает положение... Да что толку! Но, однако, я хотел бы повидать его.

– Оставайся обедать, дядя будет очень рад, – ответил Бахтеев. – Пройдем к княгине.

У княгини был дорогой гость. Ее отец, сенатор Евстафий Павлович, только что вернулся из Москвы, куда он ездил посмотреть на месте, что осталось от его хором подмосковного имения.

Это был еще не старый человек, но с дряблым морщинистым лицом. Жидкий кок бесцветных волос торчал над его низким лбом. Височки были тщательно зачесаны, как у императора. Глаза имели растерянное, жалкое выражение, а губы все время складывались в заискивающую, слащавую улыбку. На фраке виднелась звезда. Княгиня по обыкновению холодно и надменно встретила гостей. Сенатор с преувеличенной вежливостью приветствовал молодого Бахтеева и постарался придать себе величественно – снисходительный вид, здороваясь с Новиковым. Новиков был уже в армейской форме. Он добился своего. Он довольно небрежно поклонился Буйносову и тотчас отошел к княгине.

Бахтеев из любезности осведомился у сенатора, какие новости в Москве.

Буйносов только развел руками...

– Развалины, – ответил он, – от нашего дома остались только стены. Все имущество разграблено...

И он жалобным тоном продолжал описывать то разоренье, в каком он нашел и свой дом и свое имение.

– Вся надежда на милость государя, – закончил он, – иначе мы разорены. Говорят, император все милостивейше повелел возместить убытки дворянства.

– Ну, это довольно трудно будет, – насмешливо отозвался Новиков, услышавший последнюю фразу, – тут пахнет сотней миллионов.

– Но мы приносили жертвы на алтарь отечества! – с жаром воскликнул Буйносов...

– Мы тоже приносили жертвы, – ответил Новиков, – но жертва остается жертвой. И конца им не предвидится. Погодите, когда кончится война... Да надо же как-нибудь устроить этих несчастных немецких принцев, этих *Jeans sans-terre!*.. На это тоже нужны деньги. О России подумают потом...

– О! – почти с ужасом произнес Буйносов, – как вы говорите...

– А ведь он прав! – раздался веселый голос старого князя, вошедшего в эту минуту в гостиную. – Ох уж эти Иоанны Безземельные. Однако я очень рад видеть вас, дорогой Евстафий Павлович.

Лицо Буйносова приняло такое приторно – подобострастное выражение, что княгиня вдруг вспыхнула и нахмурилась.

Князь обнял сенатора, поцеловал руку жене и дружески поздоровался с молодыми людьми.

– Надеюсь, мы обедаем вместе, – сказал князь.

Новиков попробовал возражать, но князь перебил его.

– Вы доставите мне истинное огорчение, если уедете, – с теплым чувством сказал он.

Новиков поклонился. Князь сел рядом с женой.

– Вы что-то грустны, Игене, – тихо сказал он и погладил руку жены.

По лицу Ирины пробежала тень.

– Вам это показалось, мой друг, – ответила она.

– Дела отца не должны огорчать вас, Игене, – продолжал князь, понизив голос. – Вы знаете, что вы достаточно богаты.

– То есть вы, – едва слышно уронила княгиня.

– Жестоко напоминать об этом, – ответил князь, – никакие богатства не могут сравниться с тем, что я приобрел в вас, Игене. Помните это и знайте, что ваши распоряжения в нашей конторе действительнее моих. Это я вам хотел сказать давно. – Он быстро встал с места. – Помните же мои слова, Игене; мне лично неудобно вмешиваться в эти дела, – сказал он, – и этим вы докажете мне величайшее доверие... за мою любовь.

Лев Кириллович был в стороне и не мог слышать разговора. Но он видел, как в суровых глазах княгини появилось мягкое, детское выражение, когда она следила взором за отошедшим от нее мужем.

За обедом князь был очень оживлен. Предметом разговора, естественно, был заграничный поход и кажущиеся успехи русского оружия. К этим успехам князь относился с полным скептицизмом.

– Война еще не началась, – говорил он, – и поверьте, что Бонапарт еще покажет себя. Молебны – это хорошее дело. Но пока мы будем служить молебны во славу прусского короля, Наполеон, или, если угодно, Бонапарт, соберет новую армию.

IX

Лев Кириллович в последние дни не видел княгини. По странному совпадению чувств они избегали друг друга. И теперь за обедом он не мог не заметить, как болезненно отзывалось на княгине униженное отношение ее отца к князю.

Действительно, Евстафий Павлович прямо с собачьей угодливостью смотрел в глаза князю Никите, стараясь угадать его малейшее желание.

Но старый князь делал вид, что не замечал этого, и, напротив, со своей стороны, старался выказать преимущественное внимание Евстафию Павловичу. И каждый раз при новой угодливой фразе Буйносова княгиня бросала на Левона особенно враждебные, вызывающие взгляды. Словно она видела в нем врага и готовилась к защите.

Левону было не по себе от этих взглядов, и обед тяготил его. На все его внимание и любезность княгиня отвечала оскорбительной холодностью.

После обеда перешли в маленькую гостиную, куда подали кофе и вино.

Но Новиков торопился, Буйносов тоже, и они вместе вскоре уехали.

Старый князь, повинуясь давней привычке поспать после обеда, поцеловал руку жене, кивнул головой Левону, зевнув, сказал:

– Ведь мы еще сегодня увидимся, – и тоже ушел.

«Тетушка» и «племянник» остались наедине. Настало тягостное молчание. Князьпил портвейн и не знал, что сказать. Он чувствовал себя крайне неловко. Его смущало надменное прекрасное лицо. А сердце сильно билось, и он хотел и не мог начать говорить.

Из неловкого положения его вывела княгиня.

– Скоро вы уезжаете? – равнодушно спросила она тоном человека, которому нечего сказать.

– Да, – с горечью ответил Лев Кириллович, – я тороплюсь. Я одинокий бродяга, для всех чужой. Здесь, в вашем Петербурге, ото всего веет холодом. От Невы, от ее набережной, от этих барских домов и от людей. Я чужой здесь... Когда я ехал сюда, я думал отдохнуть здесь хоть несколько дней в тепле и уюте, но мне холодно... Да, я еду, у меня есть товарищи, они там далеко умирают... Я поеду к ним...

– Разве вы чужой здесь? – тихо спросила княгиня, – а ваш дядя?

– О, я очень люблю его, – живо отозвался Лев Кириллович, – но все же...

Он невольно замолчал.

– Но все же? – повторила княгиня.

– Но все же, – резко сказал князь, вставая, – я чужой здесь, не прощенный гость. Я, видимо, не желанный гость здесь.

Княгиня слегка побледнела.

– Вы последний из рода Бахтеевых, – сказала она, – вы наследник своего дяди...

– О каком наследстве говорите вы! – воскликнул Левон. – У меня одно наследство – честь моего имени... Но я наследовал его от отца... Я просто люблю дядю... и, княгиня, я слишком богат сам по себе и не жаден... Я никому не стою поперек дороги.

Он сказал эти последние слова и мгновенно раскаялся. Много он дал бы, чтобы вернуть их.

Княгиня побледнела, потом кровь прилила к ее лицу, покраснели даже ее открытая шея и плечи. Глаза ее чудесно засверкали...

– А, – дрожащим голосом начала она, – я так и думала! Ну, конечно! Чего же может ждать женщина, вышедшая замуж за человека на полвека старше ее, кроме оскорбительных намеков и предположений? Вы не стоите мне поперек дороги? Вы слишком богаты, чтобы оспаривать у меня ожидаемое наследство? Ведь вы это хотели сказать?

– Княгиня! Ради Бога! – воскликнул князь, ошеломленный этим потоком негодующих слов.

– О, да, да, – страстно продолжала она, – везде, всюду одно и то же. Или намеки, или нескромные вопросы. Но вы ошиблись милостивый государь. Вы видите постыдный торг там, где была... – Она вдруг остановилась. – Однако, – стараясь овладеть собой, продолжала она, – какое мне, собственно, дело до вас и до других? Но знайте только одно, что я презираю эту роскошь и что никому не позволю смотреть на меня свысока. Но ведь и я стою чего-нибудь, – высокомерно добавила она, – даже с вашей точки зрения ваш дядя заключил не совсем невыгодную сделку?

Она рассмеялась нервным сухим смехом.

– Княгиня, – дрогнувшим голосом сказал Левон, – клянусь честью, Богом, в которого вы верите, я не хотел сказать ничего оскорбительного. Ни одна нечистая мысль не коснулась вас. Я не думал ни о роскоши, окружающей вас, ни о богатстве, которым вы теперь располагаете. Дядя достоин любви и уважения... Но мне больно, мне тяжело, княгиня, – продолжал он, – ваше отношение ко мне. Ваши взгляды, ваши слова. Разве я враг вам? Да я жизнь отдал бы за ваше ласковое слово!.. Нет, нет, – страстно заговорил он, заметя ее негодующий жест. – Я одинок, очень одинок. Мое сердце не согревало никогда нежное чувство. Я не знал матери, смутно помню отца, даже няня не певала песни над моей колыбелью. Мое сирое детство прошло среди наемных людей. А потом юность, потом боевая жизнь со случайными товарищами. Сегодня жив – завтра умер. Скажите же, княгиня, что остается мне в жизни!.. Я еду теперь на войну, быть может, я не вернусь, и никто, кроме дяди, не пожалеет обо мне. Но дядя прожил уже большую жизнь, он много перенес в жизни потерь, он сам уже близится к закату... А я один, я песчинка в пустыне, всплеск волны в океане, случайно сорванный ветром лист с огромного дерева человечества... Так неужели вы строго осудите меня за невольный порыв к солнцу, свету, теплу!..

Княгиня сидела, опустив голову, и по ее щекам текли слезы.

– Княгиня, – снова начал Левон, – не думайте обо мне дурно. Не подозревайте меня в нечистых чувствах и намерениях. У меня нет сестры, будьте мне сестрой. Дайте руку, благословите меня на неведомое будущее...

Он остановился перед ней, весь охваченный неудержимым порывом. Было мгновение, когда он хотел броситься к ее ногам.

Она подняла на него свои загадочные глаза, теперь полные слез, и молча протянула ему руку.

– Благодарю, – сказал князь, с чувством целуя ее.

– Простите, – начала княгиня, – я была не права... Но я так измучилась за эти месяцы... И я уже нашла... почти нашла, – поправилась она, – новый путь, когда явились вы и... мне говорили...

Она замолчала.

Князя поразили ее слова о новом пути. Смутные мысли налетели на него. Напраксина, отец Никифор, слова Новикова. Ревнивая тоска сжала его сердце. Теплое чувство, наполнявшее его, вдруг исчезло. Он подозрительным, жестким взглядом смотрел на княгиню.

– Кто же указал вам этот новый путь, княгиня? – сухо спросил он, – не новоявленный ли пророк?

Княгиня уловила перемену в его голосе, но странно, прежняя надменность не вернулась к ней. Она кратко ответила:

– Не смейтесь над ним. Он боговдохновенный человек. Он прорицатель и... утешитель.

– Но чем же он подчинил и успокоил вашу душу? – стараясь сдержать себя, спросил Левон.

Он чувствовал себя крайне раздраженным и вместе с тем ему бесконечно было жаль княгиню, такую теперь беспомощную, кроткую и слабую.

– Я встретила с ним случайно, – тихо и задумчиво начала княгиня, – у князя Голицына. Отец дружен с ним. Когда я особенно тосковала, отец посоветовал мне пойти к нему, поговорить с ним. Вы знаете, к Голицыну ходит много наших дам. Он дает книги... Учит молиться. Я пошла... Ах, разве можно передать те чувства, которые я испытала в его молельне!.. Темно... Только горит над плащаницей кровавое сердце, – это лампада сделана из красного стекла в виде сердца, – пояснила она. – Красный слабый отблеск озаряет потемневшие лики святых, на старых образах, без риз. Он говорит: это сердце Иисусово пламенеет кровью и любовью за весь мир... Я не помню всего... было страшно и сладко... А в молельне был отец Никифор... Когда он положил на плечо мне руку и посмотрел на меня... его глаза чудно светились... мне стало так легко, так отрадно... – Княгиня говорила беззвучным голосом, опустив глаза, словно вспоминая какой-то чудесный сон... – Потом, – продолжала она, – я встречалась с ним у княгини Напраксиной... Он научил меня верить в Бога и говорил, что близок час, когда он введет меня в сонм святых... Напраксина говорила, что это только для особо посвященных... у него собрания... Вот и все... Его слова успокаивают... На днях я должна уже ехать к нему...

– Вы не поедете! – горячо воскликнул князь. – Этот изувер преследует дурные цели... Вам нечего искать нового пути... Ваш путь перед вами...

Княгиня покачала головой.

– Он наполнил пустоту моего сердца, – сказала она. – Я мужу об этом не говорила. Вы знаете его...

– Княгиня, дорогая, милая сестра моя, – начал князь голосом, исполненным глубокой нежности, – обещайте мне не ехать к нему, пока я не скажу вам. Это первая просьба вашего друга, вашего брата, быть может, обреченного на смерть. Дайте слово, даете? Обещаете? Да?

Княгиня несколько мгновений колебалась и затем, подняв на Левона сияющие глаза, твердо ответила:

– Обещаю, милый брат.

Князь поцеловал ее руку.

Короткий зимний день погасал. Красный закат, пылавший над Невою, последним отблеском озарял и лицо княгини, и залу, и блестящую форму князя Левона.

Князь сел рядом с Ириной. И тихо, доверчиво она рассказывала ему повесть о своей судьбе.

История была проста и не сложна. Разорение, встреча с князем, его последняя любовь. Он так нежно, так внимательно относился к ней. Она привязалась к нему, как к другу. Она еще мечтала спасти положение своего отца ждала согласие старому князю. Евстафий Павлович был несказанно рад. Он сам толкал ее на это.

– И я была и была бы счастлива, – закончила княгиня, – если бы... если бы...

Она смотрела на Левона... и в ее прекрасных, сияющих глазах не было ничего загадочного...

Х

Сближение с княгиней, ее теперь доверчивое и ласковое отношение не внесло покоя в душу Льва Кирилловича. Напротив, такие отношения стали для него источником новых мучений.

Когда Ирина доверчиво смотрела в его глаза и тихим голосом говорила ему о себе, о своем детстве, о своих мечтах, ему безумно хотелось броситься к ее ногам и повторять только одно: я люблю, люблю, люблю...

«Я безумец, я преступник, – твердил он себе, сжимая горячую голову, – я не могу так жить. Я должен ехать; ехать как можно скорее...»

Так он говорил себе после каждой встречи с Ириной и не имел сил решиться уехать. Все дела были уже устроены, все было готово к отъезду, оставалось подать только по начальству рапорт, а он медлил.

Княгиня никуда теперь не выезжала. Нельзя было не заметить, что она искала встреч с Левонем, что его присутствие волновало ее, что иногда наедине ее глаза темнели в она смотрела на него тяжелым, ожидающим взглядом, от которого кружилась его голова и сердце разрывалось от восторга и муки...

«Да, я уеду завтра, – решил Левон после одной бессонной ночи. – Надо взять себя в руки».

Он похудел и побледнел за последние дни.

За завтраком он был молчалив и рассеян.

– Я боюсь, Левон, – обратился к нему старый князь, – что ты еще не совсем оправился. Не лучше ли отдохнуть еще с месяц? Ты, кажется, уже совсем приготовился к отъезду.

– Да, дядя, по – видимому, – спокойно ответил Левон. – Я решил, я еду завтра или послезавтра. Мы едем с Новиковым вместе.

Он говорил, не глядя на княгиню.

В ее руке дрогнул нож и ударился о тарелку. Этот звук сладкой болью отозвался в его сердце. Он мельком взглянул на Ирину. Она сидела с побледневшим лицом, опустив глаза.

– Что же касается моего здоровья, – продолжал Левон, – то я чувствую себя очень хорошо. У вас я отдохнул и еще больше окреп.

Князь покачал головой.

– Ты знаешь, – сказал он, – что я вообще против этого похода. И во всяком случае, предвижу ему скорый конец. Одно из двух: или Наполеон сделает уступки Пруссии и заключит с Фридрихом мир – тогда нам нечего будет делать, – или он соберется с силами и разгромит союзные войска, тогда тоже конец походу. Ты сам понимаешь военное дело: каково наше положение? Впереди неприятель с новыми силами; позади – большая река: на флангах союзники нерешительные или готовые изменить при первой неудаче... Мы все более и более отдалеяемся от границ, от источников наших средств. И где эти средства? Ты сам знаешь... Все пространство от истоков Клязьмы до Немана – пустыня...

Левон внимательно слушал дядю и был поражен его чисто военными соображениями.

– Вы, может быть, и правы, дядя, – ответил он, – но я не могу не ехать. Это мой долг как офицера.

Князь пожал плечами. Княгиня все время молчала.

– Ну, если ты так решил, – твое дело, – сказал князь. – Ты молод, ты ищешь приключений» на войне и в любви», – с улыбкой добавил он.

Левон вспыхнул, слова дяди о любви отозвались в его душе, как укор совести.

– Я меньше всего думаю, дядя, о приключениях, – сказал он.

– Напрасно, – весело отозвался князь, – мы в твоём возрасте умели жить, – и он тряхнул своими густыми седыми кудрями. – Дай Бог памяти, – продолжал он, – да, в этом возрасте я

тоже брал Берлин с Чернышевым. Мы тоже торжественно вступили в Берлин тогда. Как изменились времена! Кто бы мог думать тогда, что через полвека мы будем жертвовать собой за тех, кто тогда признавался нашим первым врагом; что для спасения этого же Берлина от других мы поведем наши войска.

Князь задумался. Слово картины прошлого пронеслись перед ним.

Наступило молчание.

– Да, – прервал его князь, – я, кажется, зажился на свете, – тихо сказал он, и тайная грусть слышалась в его голосе.

– Что говорите вы! – дрогнувшим голосом сказала Ирина. – Было великое прошлое, но разве не слава минувший год? И если немного осталось у вас старых друзей, разве теперь вы никому не нужны; разве нет никого, для кого стоило бы вам жить? – едва слышно закончила она.

С глубоким чувством князь взглянул на нее.

– Не обращайтесь внимания, дорогая Ирене, на брюзжание старика. Я неблагодарный человек. Я счастлив моим настоящим, но иногда так сильны воспоминания, а их так много, так много!.. Да, Левон, – круто переменял он разговор, – ты не хочешь еще принять от меня отчета, но знай, что твое состояние достаточно велико. Мною сделаны распоряжения Бурову. Ты можешь в средствах не стесняться. Напиши записку, и контора выдаст тебе любую сумму.

– Благодарю вас, дядя, – ответил Левон.

– Благодарить не за что, – сказал князь, – ведь это твое.

– Сегодня я увижу Новикова, – произнес Левон, – и мы решим, когда можно ехать. Завтра в ночь или послезавтра. Мне еще надо будет подать рапорт управляющему военным министерством, князю Горчакову, о своем отъезде. Распоряжение канцлера о назначении меня в действующую армию уже передано князю. Я и так потерял несколько дней.

Едва окончился завтрак, Левон поторопился уйти. Он боялся, что его решимость снова поколеблется, если ему случится остаться теперь наедине с княгиней, и торопился отрезать себе путь отступления. Действительно, после подачи рапорта было бы затруднительно и неловко оставаться дольше в Петербурге.

Рука княгини была холодна и дрожала, когда Левон поцеловал кончики тонких пальцев.

XI

На душе Льва Кирилловича было тяжело. Грустное лицо Ирины, холодная, дрожащая рука неотступно вспоминались ему. «Стоит ли жизнь этих мучений? – думал он, – и где найти покой? В молитве?» Но он никогда не молился, и сама мысль искать утешения в религии была чужда его уму и сердцу. . . . Какая цель жизни? Вот теперь он поедет на войну, которой не сочувствует. Будет убивать или сам будет убит: для чего? Да, опасности и тревоги боевой жизни на некоторое время заполнят его душевную пустоту. . . . Кончится война, и если он останется жить, – что тогда? Что дальше? Жить, как живут тысячи и тысячи, для чего? Для наживы? Но он богат. Для славы? Он горько усмехнулся этой мысли. Он маленькая песчинка. Он не Наполеон, не Цезарь. . . . Какая честолюбивая голова не поникнет в безнадежности перед наполнившей мир славой Наполеона!

– Да, – вслух закончил он свои размышления, – одна слава – пасть в бою. . . .

Полный этих мрачных мыслей, он приехал к Новикову.

У Новикова он застал незнакомого ему молодого человека. Его лицо поразило князя. Бледное, почти прозрачное, с орлиным носом, черными немигающими, как у орла, круглыми глазами, оно поражало выражением силы и воли. На темный фрак падали локоны черных волос.

Было что-то мрачное во всей его черной фигуре.

– Шевалье Габриел де Монтроз, – представил его Новиков. – А это князь Бахтеев.

Шевалье с величием короля протянул князю руку.

– Я очень рад познакомиться с вами, – звучным голосом сказал молодой человек, – я много уже слышал о вас от вашего друга.

– От меня же он утаил, – с улыбкой ответил князь, – о своем знакомстве с вами.

– Да? – небрежно произнес шевалье. – Ну, что ж, я предпочитаю сам сказать о себе.

– Шевалье здесь только два дня, – произнес Новиков, как бы оправдываясь.

Князь не мог не заметить, что Новиков с каким-то особенным чувством почтительности, почти благоговения, относился к своему гостю.

Тем более удивило князя, что Новиков до сих пор ни звуком не обмолвился о таком знакомстве.

– Вы, говорят, едете на войну? – начал шевалье.

– Да, господин шевалье, – ответил Бахтеев, – как ни грустно, но мы снова воюем с вашими соотечественниками.

По губам шевалье скользнула легкая усмешка.

– Я не француз, – сказал он, – хотя, конечно, мое имя вводит в заблуждение.

– Вы не француз! – в искреннем изумлении воскликнул князь. – Кто же вы по национальности?

– Я всемирный гражданин, – ответил шевалье, – я столь же француз, как немец, русский или швед. . . .

– Я не понимаю вас, – сказал князь, – но ведь у вас есть родина?

– Весь мир, – коротко ответил шевалье.

– Но родные, друзья? – продолжал князь.

– Все человечество, – так же коротко ответил Монтроз.

– Поистине – это чересчур по – христиански! – с легкой насмешкой отозвался князь.

– А разве это дурно – следовать по стопам великого учителя – Бога? – возразил Шевалье.

– Это – возвышенно, но это не всякому по силам, – задумчиво произнес князь.

Новиков не вмешивался в разговор, с жадным любопытством глядя на шевалье.

– Но все же, – сказал он наконец, – с общей точки зрения он прав, великий. . . .

Шевалье бросил на него быстрый взгляд... Новиков смутился и торопливо закончил:
– Я хотел сказать, господин шевалье, что мой друг до некоторой степени прав.

Бахтеев с нескрываемым удивлением смотрел то на одного, то на другого.

«Что все это значит? – думал он. – Отчего Новиков, всегда такой смелый и резкий в словах, словно робеет перед этим странным бледным человеком во всем черном, с такими повелительными манерами, и что значит этот эпитет» великий?»

Но шевалье не дал ему долго останавливаться на этих мыслях. —

– Да, это не всякому по силам, возможно, – начал он, – но это только потому, что большинство людей не считают нужным задумываться над самыми элементарными истинами. Скажите, разве общее рабство народов не роднит всех угнетенных? Разве рабы чуждых стран не сочувствуют друг другу и не связаны одними и теми же чувствами – жадой свободы и ненавистью к своим угнетателям? Разве в войске Спартака фракийцы не дрались щит со щитом рядом с германцами, галлами и римлянами против общего врага?

Лицо шевалье оставалось бледным, только глаза загорелись жутким, зловещим огнем.

– Быть гражданином мира, – продолжал он, – это значит быть на стороне угнетенного. Когда гроза революции опрокинула трон Людовика Святого и молния народного гнева расплавила цепи рабства, разве тогда угнетенные народы других стран были менее дороги нашему сердцу? О, – страстно продолжал он, – служить всему человечеству! Надо объединить все народы, надо указать им один путь – путь свободы... Вы правы – это идея Христа, тут нет ни эллина, ни иудея; идеи, как и чувства, достояние всего человечества. Если любовь и ненависть одинаково понятны всем народам, независимо от их национальности, то им так же обща и жажда свободы – это бессмертные чувства, свойственные душе человека, может обратить народы в одну общую семью!

Князь Бахтеев был захвачен этим вихрем неведомых ему мыслей.

– Да, – продолжал шевалье, – надо только отрешиться от того узкого, эгоистического мирка, в котором живет душа человека. Надо вылезть из своей кротовой норы и взглянуть на мир Божий. Вы тоскуете, вы несчастны, вы безнадежно любите, – говорил шевалье, пристально смотря мрачно горящими глазами в лицо князя, словно говорил именно про него, – вы несчастны в личной жизни, и вы думаете: зачем жить? Что жизнь?

Князь невольно сделал шаг назад. Его поразили эти мысли, так странно совпавшие с его собственными. Это упоминание о безнадежной любви.

– Ах, – продолжал шевалье, – не правда ли, мы центр мира. Но бесчисленное количество таких же мирков, с такими же маленькими страданиями окружает вас, и каждое «я» принимает свой маленький мирок за бесконечную вселенную... Но пусть же маленькое «я» потонет в великом «я» мира – тогда мечты станут действительностью!

Шевалье умолк.

Наступило молчанье.

Новиков в волнении ходил взад и вперед по комнате. Бахтеев старался собрать мысли, пронесившиеся в его голове, как лохмотья туч. Ему хотелось возразить.

– Позвольте, господин шевалье, – сказал он наконец. – Вы, высказывая ваши идеи, несколько раз сказали «мы». Кто же это вы?

– А – а, вот в чем дело! – усмехнулся шевалье. – Но разве эти идеи будут стоять больше или меньше, когда вы узнаете, кто проповедует их?

Он пристально взглянул на Новикова. Новиков почтительно опустил голову.

– Ну, если эти мысли нашли отклик в вашей душе, то ваш друг сообщит вам все, что вы захотите.

С этими словами шевалье поднялся.

– Мне пора, – сказал он, – до свидания, господин Новиков, до свидания, князь. Верьте, – добавил он, снова пристально глядя в глаза князя, – люди страдают чаще всего оттого, что слишком много думают только о себе.

Он пожал руку друзьям и вышел. Новиков пошел проводить его.

XII

– Какой странный и интересный человек, – начал князь, когда вернулся Новиков. – Скажи, пожалуйста, кто он такой и откуда явился?

– Да, это удивительный человек, – задумчиво произнес Новиков, – это настоящий избранник. Ты спрашиваешь, откуда он явился. Почему я знаю!.. Но он уполномочил меня сказать тебе, кто он... – Новиков остановился. – Я не буду брать с тебя ни клятв, ни обещаний, он не велел этого, – снова начал Новиков. – Я же верю тебе, что ты сохранишь тайну.

Непонятное волнение овладело молодым князем.

– Я слушаю тебя, Данила Иванович, – сказал он.

– Я буду краток, – отозвался Новиков, – но я начну с того, что тебе, конечно, известно. Ты ведь знаешь о масонах? Об этом всемирном братстве каменщиков, создающих уже много веков камень за камнем храм Соломона, несокрушимое здание свободы, любви и братства?

– Так ты масон! – в волнении воскликнул Бахтеев. – Не знал этого, хотя знаю о масоне и иллюминате Новикове, твоём однофамильце.

– Да, я масон, – ответил Новиков, – хотя ещё не пострадал, как мой знаменитый однофамилец, и я горжусь, что принадлежу к этому братству. Я нашёл цель жизни.

– Цель жизни? – спросил Бахтеев и встал с места.

– Я не буду проповедником, – начал Новиков. – Ты слышал, что говорил Монтроз? Вот единая великая цель нашей ложи. Мы теперь сильнее, чем думают... В наших рядах есть люди, от которых, быть может, зависят судьбы народов... Мы возродились и вернулись теперь к прежним, лучшим, благородным идеям начала масонства, к неустанной борьбе за правду и права человека. Наши ложи в Германии, Франции, России не праздная забава сытых бар, шутство и игра в тайны. Нет. Мы передовая позиция угнетённого человечества... – Новиков в волнении ходил по комнате. – Наполеон потряс мир, – продолжал он, – он докончил дело революции, он пробудил самосознание народов, и он, этот тиран, этот гигант, наступивший железной пятой на грудь Европы, указал путь свободы народам. Он пробудил Германию от её рабского сна, он всколыхнул Россию и бросил нам новые идеи и стремления... И мы объединились теперь для блага народа. О, если бы мы могли избежать теперь этой войны и посвятить все силы истощённой, но просыпающейся России... Но мы работаем, и мы достигнем своего... – Новиков остановился, затем снова продолжил. – Да, я был несчастлив, я погибал, не видя истинного света... Но теперь, теперь я счастлив и горд. Пусть силы мои малы, но я живу не бесплодно... Мы уже многого достигли... «Он» позволил мне говорить с тобой и этим как бы приобщил тебя к нашему братству...

– «Он», но кто же он?! – нетерпеливо воскликнул Бахтеев.

Новиков поднял руку и торжественно, медленно произнес:

– Он – Кадош, великий мастер Великого Востока. Он верховный глава всех истинных масонских лож. Он велик и почти всемогущ. От Нила до Невы, от Эбро до Сены сотни тысяч людей повинуются его слову.

– Но ты? Кто же ты? – спросил Бахтеев.

– Я мастер Великой Директориальной ложи Владимира к порядку, – с гордостью ответил Новиков. – Эта ложа объединила всех истинных масонов. К ней присоединились ложи: «Александра к Коронованному Пеликану», «Елизаветы к добродетели», «Петра к истине», «Les amis réunis», «La Palestine» и много других.

Новый мир открывался перед глазами Бахтеева. До сих пор окружающая его жизнь казалась ему простой и несложной. Он жил, как живут все, не задумываясь над веками установленным укладом жизни, и вдруг лицом к лицу столкнулся с какой-то новой, кипящей и деятельной

жизнью, таинственной и сильной. Он был потрясен. Смутное недовольство собою, неудовлетворенность – все осветилось новым светом.

– Я хотел бы работать с вами, – тихо сказал он.

– Хорошо, – ответил Новиков, – я счастлив, что ты хочешь этого. Великий мастер не ошибся, когда, уходя, сказал мне: «Он будет ваш». Хорошо, – повторил он, – я введу тебя в ложу – учеником.

– Когда же? Когда? – в волнении спросил князь. – Ведь времени так мало. Ведь я пришел к тебе, чтобы сговориться о дне отъезда в армию. Я думал, что мы выедем завтра или послезавтра... Как же быть?

Новиков задумался.

– Да, – сказал он, – я тоже хотел ехать на днях. Я не знаю, когда будет заседание ложи и притом можно ли тебя ввести сразу... Мне придется поговорить...

– Я не могу здесь дольше оставаться, я должен ехать, – глухим голосом произнес Бахтеев.

Новиков быстро взглянул на него.

– Если не удастся здесь, – сказал он, – то все равно, можно принять тебя и за границей.

– Я предпочел бы здесь, – ответил Бахтеев.

– Хорошо, – подумав, произнес Новиков, – я постараюсь сегодня же поговорить с Мон-трозом и завтра же сообщу тебе.

– Благодарю, – сказал Бахтеев, – а я, значит, подожду подавать рапорт об отъезде. День – другой не расчет.

И неожиданно чувство радости охватило его при мысли, что разлука с Ириной отсрочена.

Он сам испугался этого чувства.

«Зачем, – сейчас же подумал он с тоскою, – чего я могу ждать, на что надеяться?»

Но милый образ дразнил его воображение... Нечего размышлять. Впереди, может быть, смерть... Увидеть лишний раз... Он уже забыл о своем решении избегать встреч с княгиней до своего отъезда в армию.

XIII

Уткнувшись лицом в атласную подушку, лежала княгиня Ирина на диване в своей маленькой гостиной, где в последнее время она так доверчиво, с таким открытым сердцем беседовала с Львом Кирилловичем в послеобеденные часы в мягком, нежном сумраке весенних вечеров. Как мало было таких дней и как она уже успела привыкнуть к ним!

Никогда чувство одиночества не терзало ее до такой степени. Одна. Одна сегодня, завтра, недели, месяцы, годы. Она так еще молода, и впереди еще такая большая жизнь, длинный, бесконечный серый путь... Только теперь сознавала она всю великость жертвы, принесенной отцу. Для чего? Разве так важно жить непременно в такой же роскоши, как жил ее дед, прадед и весь род Буйносовых? Разве не мог отец изменить образ жизни, прекратить выезды, приемы?.. Зачем ему это нужно, когда ей этого никогда не было нужно? Враждебное чувство шевелилось в ее душе к отцу... И невольно она вспомнила отца Никифора... Кто он? Что он? – она не знала и не хотела знать, но в минуты тоски его мягкий голос успокаивал ее, под влиянием пристального взгляда его блестящих глаз успокаивались тревожные мысли; словно сладкая дремота охватывала и мысль и тело, тихо засыпала душа, убаюканная странным влиянием ласкового голоса и чудным блеском глаз. Что преступного и низкого в этом человеке, думала Ирина, и почему так ненавидит его Левон? Отчего же и Напраксина, и Батарина, и Барышникова, и много, много других ищут у него утешения и находят его?

И Ирине мучительно захотелось поехать сейчас к Напраксиной, поговорить с ней, найти отца Никифора.

Она поднялась с дивана. Напраксина обещалась ее повезти куда-то к нему... Она говорила, что там можно найти истинное успокоение... Почему же не поехать?.. Но Ирина вспомнила обещание, данное Левону, и горько усмехнулась. Ее глубоко поразило сегодня отношение к ней Левона. Как, не сказать двух слов, холодно заявить о своем отъезде... Он не вернулся к обеду, его нет до сих пор... Может быть, он уедет сегодня в ночь или завтра утром, и она не увидит его!.. Не увидит, быть может, никогда, никогда!.. Ирина мрачно сдвинула брови. Она любит, да. Это налетело неожиданно – негаданно... И она любима. Разве можно в этом ошибиться? Но она знает свой долг... И если он забудет его – она напомнит ему о нем... Но теперь, перед разлукой, быть может, вечной, разве преступление желать увидеть его, услышать его голос и даже сказать, в последнюю минуту расставания, как он дорог, как бесконечно дорог он ей, что с ним уходит мечта о счастье?.. Что она никогда, никогда не забудет его?.. О, все сказать – разве это преступление?

Она снова упала на диван лицом вниз, закинув за голову руки.

Она долго так лежала в каком-то оцепенении, пока ее не вывели из этого состояния шум осторожных шагов и тихий голос.

– Ирина, ты спишь?

Она быстро поднялась с дивана. Перед ней стоял ее отец.

Было уже темно, и она не могла различить выражение его лица.

– Это вы, отец, – сказала она. – Нет, я не спала, у меня голова болит. Как темно. Я сейчас велю принести огня.

Она дернула сонетку и приказала зажечь огонь.

Лакей зажег золотые канделябры под голубыми абажурами.

Тут Ирина могла увидеть расстроенное лицо отца. Он поцеловал ее в лоб и с тяжелым вздохом уселся в кресло.

– Что случилось, отчего у вас такой вид? – спросила Ирина.

Евстафий Павлович, действительно, имел жалкий вид: жидкие волосы его растрепались на висках; кок надо лбом висел убогой мочалой.

– Князя нет дома, – начал он, избегая смотреть на дочь. – Я хотел поговорить с ним. Но он неизвестно когда вернется...

– Да, – ответила Ирина, – сегодня малое собрание у вдовствующей императрицы.

– А ты? – удивился Буйносов, – отчего ты не поехала?

– Я же говорю, что у меня болит голова, – с некоторым раздражением сказала Ирина.

– Да, да, конечно, – торопливо отозвался Евстафий Павлович, потирая колена...

– Но что же с вами? – повторила Ирина.

– Видишь ли, – начал смущенно Буйносов, – дело с нашим подмосковным очень плохо... за этот год доходов нет. Время идет... Крестьяне разбежались. Ни людей, ни скотины. Пора сеять, а некому и нечего... Так и в будущем году не будет доходов... Разорение. Я уж не говорю про дом... Там жить нельзя... И, Ириша, вообще... – тяжело дыша, закончил Буйносов, – вообще... кажется, что и жить скоро будет нечем. Вот я и приехал к князю...

Он говорил, волнуясь и сбиваясь, беспрестанно вытирая лицо платком.

Ему, видимо, было тяжело говорить. Только несколько месяцев тому назад, сейчас же после свадьбы, князь уплатил его долги и сумел очень мило, по – родственному, дать ему крупную сумму денег.

Освободившись от долгов, Буйносов вздохнул свободно и даже не полубопытствовал, в каком положении его имение. Он тотчас завел богатый выезд, поставил на широкую ногу свой дом, и только когда деньги, как ему казалось, неожиданно и слишком быстро пришли к концу, написал управляющему о присылке доходов. Раньше он даже не считал нужным читать его донесений, и его как громом поразило известие, которого, конечно, он должен был бы ожидать, что имение совершенно разорено... Управляющий писал, что он уже не раз докладывал об этом и просил помощи... Встревоженный, Буйносов полетел в имение и пришел в ужас от того, что увидел. Он понял наконец, что если не поддержать имения теперь же, ранней весной – он будет окончательно разорен.

А единственная возможность поправиться – обратиться к зятю, что было ему тяжело и неловко.

Глядя на жалкое лицо отца, слушая его смущенную речь, Ирине было и больно и стыдно, стыдно за себя. Зачем она заставила отца переживать эти унижительные минуты, когда князь в первый же день приезда отца дал ей полную возможность прийти ему на помощь?

Враждебное настроение, вспыхнувшее в ней недавно, сменилось глубокой жалостью.

– Только-то, – сказала она. – Не огорчайтесь, батюшка, мы это сейчас устроим.

Она позвонила и приказала принести из кабинета бумаги, перо и чернила.

Когда лакей, принеся все нужное, вышел, Ирина ласково сказала:

– Это так просто. Вы увидите. На листе бумаги она написала:

«Семену Ивановичу Бурову. Отпустите в распоряжение моего отца для моих личных надобностей сумму, какую он укажет вам. Княгиня Бахтеева».

– Вот и все, – весело сказала она, подавая отцу лист, а в душе с горечью подумала: в счет платы за меня.

Евстафий Павлович прочел написанное, и на его глазах показались слезы.

– Спасибо, Ириша, – в волнении сказал он. – Видишь, как твоя жизнь хорошо устроилась. Ты не только сама счастлива, но можешь еще осчастливить людей.

Губы княгини дрогнули...

– Да, я счастлива, – тихо сказала она и, закрыв лицо руками, упала грудью на стол с подавленным рыданием.

– Голубка, деточка моя, Ириша, что с тобой?! – бросился к ней Буйносов.

Он обнял ее дрожащими руками и целовал ее пышные мягкие волосы.

Ирина скоро овладела собой.

– Ничего, ничего, батюшка, – начала она, – это все моя голова. Я хочу проехаться. Не подвезете ли вы меня до княгини Напраксиной?

XIV

– Как я рада, дорогая Irene, что вы приехали! – встретила ее Напраксина. – Я так давно не видела вас. Так соскучилась по вас и как раз только что собралась ехать к вам по делу.

– По какому делу? – удивилась Ирина.

– Вернее, по поручению отца Никифора, – сказала Напраксина.

Ирина вспыхнула.

– По его поручению? – переспросила она.

– Да, да, – ответила Напраксина. – Он сегодня был у меня и говорил про вас, о, я верю, что он провидец; он умеет читать в душе. Он всегда поражал этим меня...

– Что же он говорил обо мне? – нетерпеливо спросила Ирина.

– Он говорил, что вы мятущаяся, алчущая и жаждущая душа, – говорила Напраксина, – что вам нужна духовная пища... Что вы ищете прямой путь и найдете его...

Ирина грустно слушала Напраксину. Найти прямой путь! Но прямой путь всегда самый мучительный, прямой путь – тернистый путь. Узок путь спасения и тесны врата его, – разве это говорил не сам отец Никифор?

– А еще, – продолжала Напраксина, – он поручил передать вам, что сегодня вечером собрание благочестивых и вы можете присутствовать на нем. Это высшая ступень, это высшее небесное блаженство, – с восторгом заговорила Напраксина, – это ни с чем не сравнимое чувство, когда душа словно отделяется от тела и в блаженном парении возносится туда, где есть ее начало и конец.

Сердце Ирины наполнилось тайным предчувствием чего-то неведомого.

«Я обещала Левону не ехать, – мелькнуло в ее голове. – Ну, что же? Зачем же он бросил меня? Где искать мне поддержки и утешения? Будь что будет! У нас разные дороги... Быть может, его душу наполнит война, а что остается мне?» Она потрянула головой и решительно произнесла:

– Благодарю вас, Надежда Дмитриевна, я еду.

– Ну, вот и отлично, я так рада, так рада, – оживленно заговорила Напраксина. – Вы увидите, что небесный покой снизойдет на вашу душу... О, вы встретите на собрании многих наших общих знакомых. Вы удивитесь, кого встретите. Ну, теперь еще рано... Мы выпьем с вами чаю и тогда поедем...

Тысячи вопросов вертелись на языке Ирины, но Напраксина поторопилась предупредить их.

– Только без вопросов; пожалуйста, пока без вопросов, chere Irene, – сказала она, – вы все узнаете в свое время, скоро, очень скоро...

Несмотря на свое любопытство, Ирине Евстафьевне пришлось покориться.

Карета, запряженная парой кровных орловских рысаков, прямых потомков знаменитой Сметанки, быстро неслась по пустынным улицам столицы.

Напраксина была в каком-то особенном восторженно – мистическом настроении.

– Дорогая Irene, – говорила она, – все люди так несчастны, и я была несчастна и не видела впереди ничего, кроме слез и тоски. Со времени смерти моего мужа, павшего геройскою смертью (вы ведь знаете это), я не знала ни минуты покоя. Я искала утешения в молитве, ходила по церквям, ездила на богомолье, но все это было не то, не то... Мы, наверное, утратили путь к спасению... И вдруг эта встреча с этим необыкновенным человеком... Вы видите, я живу, я наслаждаюсь жизнью, я чувствую связь между миром, между собою и Богом... Да, да, я счастлива теперь. Я знаю, что вы тоже несчастливы.

Ирина сделала протестующий жест.

– Да, да, не спорьте, – настойчиво продолжала Напраксина. – Я вижу, я знаю... Счастливые не бегут к нему...

– Да, – произнесла Ирина, – у меня бывают приступы тоски. Слова старца Никифора меня нередко успокаивали. Но я не несчастна.

Она сказала эти слова, но с мукой в душе подумала, что она несчастна, что ей ничто и никто не может помочь и что она ехала теперь, повинувшись смутной надежде найти исход своей непрестанной тоске.

Она не замечала дороги, по которой они ехали, и взглянув в окно кареты, невольно воскликнула:

– Боже, где же мы едем?

Направо и налево тянулись безлиственные леса. Не было видно признака какого-либо жилища.

– Мы скоро будем, – ответила Напраксина. – Мы соблюдаем в тайне место наших собраний. Это лучше – быть вдали от любопытных глаз.

Ирина ничего не ответила. Над лесом вставала кровавая луна... Непробудная тишина царила вокруг... И грешные мысли наполняли сердце Ирины. Как хорошо в такую ночь, при этой луне, в пустынном лесу мчаться с любимым человеком куда-то далеко, далеко, без конца, в неведомый путь!..

Карета свернула на просеку и остановилась перед забором.

С величайшим удивлением Ирина увидела, что в стороне стояло несколько экипажей.

– Как же вы говорите о тайне, – сказала она, выходя из кареты, – когда здесь столько кучеров?

Напраксина усмехнулась.

– О, они не страшны, – ответила она, – им хорошо внушено, чтобы они не болтали, и притом выбраны самые надежные люди. Страх и собственная выгода делают их молчаливыми. Но в конце концов – мы никого не боимся, – закончила Напраксина, – мы не делаем ничего преступного.

Едва вышли женщины, карета отъехала и встала в ряду прочих у конца забора.

Напраксина уверенно подошла к маленькой калитке и открыла ее. Перед ними была узенькая тропинка среди сугробов снега. Эта тропинка вела к небольшому одноэтажному дому.

– Отчего там так темно? – с волнением спросила Ирина. – Ни в одном окне не видно света.

– Свет внутри, – ответила Напраксина.

Ирине стало жутко, и смутное беспокойство пробудилось в ее душе. Ей хотелось повернуться и уйти. Она уже жалела, что согласилась поехать. Напраксина взяла ее за руку.

– Смелей, смелей, дорогая Irene, – сказала она, словно понимая колебание молодой княгини.

Они вступили на маленькое крыльцо. Напраксина тихо ударила три раза в дверь, после каждого удара негромко, но внятно повторяя:

– Отворите, сестры пришли.

Ирину сперва поразило, как могли слышать за дверью этот негромкий голос, но ее недоумение рассеялось, когда она заметила, что Напраксина говорила в небольшое отверстие, проделанное в двери.

Дверь тотчас открылась, и чей-то голос в темноте произнес:

– Мир вам, возлюбленные сестры.

Крепче сжав руку Ирины, Напраксина двинулась вперед. Видимо, дорога была ей хорошо знакома. Пройдя шагов десять, она открыла дверь направо. Яркий свет ударил в глаза. В комнате никого не было. Княгиня Ирина невольно заметила, что в комнате не было образа. Един-

ственное окно было завешено темной, тяжелой материей. На широких лавках лежали шубы и пальто, мужские и женские.

Напраксина быстро окинула их взглядом и произнесла:

– Сегодня небольшое собрание.

Волнение Ирины было так сильно, что она не могла расстегнуть ворот своей шубки.

Напраксина заметила это и помогла ей.

– Не волнуйтесь, дорогая, – сказала она, – как вы побледнели...

Действительно, лицо Ирины было бледно и тем прекраснее. Ярче горели огромные глаза, резче рисовались гордые дуги черных бровей и краснели полные губы надменного рта.

Напраксина аккуратно в сторонке сложила одежду.

В эту минуту открылась дверь, и на пороге комнаты появилась совсем молоденькая девушка.

Княгиня Ирина с удивлением и искренним восхищением взглянула на пришедшую. Трудно было представить более нежное лицо, более грациозную, еще полудетскую фигуру. Не меньше поражал и костюм ее. Густые белокурые волосы падали на плечи, едва перехваченные широкой голубой лентой. На бледном, чуть розовом лице сияли большие темно – голубые глаза. Длинный белоснежный хитон был слабо подпоясан тоже голубой лентой, и из-под него виднелись белые босые ножки. В руках у девушки была пальмовая ветвь. Она вся в своем белоснежном хитоне, с обливавшей ее детские плечи волной светлых волос, с этой пальмовой ветвью в руках была похожа на ангела.

Остановившись на мгновение на пороге, она наклонила голову и мелодичным голосом произнесла:

– Христос с вами, дорогие сестры.

– Христос с тобою, – ответила, наклонив голову, Напраксина, видимо, уже знакомая с этим чудесным видением.

– Наши братья и сестры, – тихо продолжало это прелестное видение, – ждут вас в Сионской горнице.

Она низко склонила голову и неслышной поступью вышла из комнаты.

Ирина смотрела ей вслед как завороченная.

– Боже, – сказала она наконец, – кто эта очаровательная девушка?

– Мария из Магдалы, – серьезно ответила Напраксина. – Это одна из жен мироносиц.

– Как, что вы сказали? – спросила ошеломленная Ирина.

– Потом, потом, – нетерпеливо перебила ее Напраксина. – Вы слышали – нас ждут.

С этой минуты какое-то странное состояние, знакомое людям, неожиданно очутившимся в чуждой и непонятной обстановке, овладело Ириной. Реальный мир отодвинулся куда-то далеко, и ей стал сниться наяву сон...

XV

Белая, вся белая комната, ярко освещенная многочисленными пальмовыми свечами. Белые стены, пол, покрытый белыми половиками. Жуткое впечатление производила висевшая на стене большая картина – распятая фигура черного монаха... Капли крови застыли на его распростертых дланях и худых желтых обнаженных ногах, прободенных гвоздями. Черная рельефная картина без рамы на белом фоне стены казалась настоящим человеком. На другой стене висела картина, изображавшая Христа у Каиафы... Христос стоял в белой одежде, и Ирине показалось, что лицо его похоже на лицо отца Никифора. Над головой Христа виднелись лики ангелов, словно в тумане, за его спиной стояла скорбная Богоматерь... В глубине комнаты было возвышение и на нем аналой, на аналое – Библия.

Вдоль стен просторной горницы, на широких скамьях, покрытых белым сукном, сидели мужчины и женщины, безмолвные, неподвижные, как статуи, все с босыми ногами и в длинных белых хитонах. Взволнованная Ирина скользнула взором по этим сосредоточенным лицам и ничего не видела. При ее смятенном настроении она, кажется, не узнала бы и родного отца. Среди этих безмолвных белых фигур темным пятном выделялось ее платье. Она не заметила, когда и где Напраксина успела надеть на себя такой же белый хитон, как у остальных...

Глубокое молчание царило в комнате. Слышался иногда лишь треск нагоревших свечей.

И было все так мирно, так тихо, так подернуто неведомой тайной, что душа Ирины как будто оторвалась на миг от действительной жизни и замерла в ожидании страшных и блаженных откровений.

Текли минуты, и вот словно издали, издали (так, по крайней мере, казалось Ирине) послышалось тихое пение. Все встали.

Звуки росли, приближались, уже слышались отдельные фразы.

«Поклонитесь пустыне, – доносится трогательный напев. – Поклонитесь Христу».

Двери широко распахнулись. Ирина замерла, загоревшимися глазами глядя на представшее ей видение...

Отец Никифор, в таком же белоснежном хитоне, с бледным, восторженным лицом, босой, шел, окруженный, словно ангелами, молодыми девушками или женщинами, с горящими свечами в руках, поющими нежными чистыми голосами. Среди этих женщин была и та, которую Напраксина назвала Марией из Магдалы. Эти чистые, словно и в самом деле ангельские голоса, эти невинные прекрасные лица, белоснежные хитоны, свечи и пальмовые ветви – все переносило в иной мир новых ощущений, благоговения и молитв.

Как хотелось Ирине присоединить и свой голос к этим чистым голосам! Чувство восторженного умиления охватило ее.

«О да, права была Напраксина, если где можно найти забвение, так это здесь».

Пение смолкло.

«Старец» Никифор, словно никого не видя, устремив перед собою горящие глаза, вошел на возвышение; живописной группой расположились за ним его ангелоподобные последовательницы.

Наступила мгновенная тишина.

Ирина бросила вокруг себя взгляд, и лицо ее вспыхнуло. На одно мгновение ей стало стыдно, словно подслушали ее тайну, когда среди присутствующих она увидела знакомые лица. Она узнала сосредоточенное лицо Батариновой, легкомысленную красавицу Пронскую, теперь серьезную, не улыбающуюся, восторженно глядевшую на странного человека в белом хитоне, стоявшего на возвышении; к своему великому изумлению, узнала она и конногвардейца Бату-

рина, известного всему Петрограду гуляку и повесу, и Мишу Донцова, юного корнета, одного из ее обожателей, и Барышникову, красавицу – фрейлину, любимицу обоих дворов, и старую фрейлину, святошу Басаргину... Она узнала их, но они или не узнали ее, что было почти невероятно, или делали вид, что не узнают. Вообще она заметила, что все присутствовавшие ничем не обнаруживали своего знакомства друг с другом и держались как чужие...

Проповедник положил руку на Библию и обвел всех строгим взглядом.

– Горе вам, телицы Васанские, – начал он глубоким, проникновенным голосом. – Грядет час, и отнимет Господь у вас пояса блистающие, и амулеты звенящие, и золотые цепочки на запястьях ваших... Горе тебе, Иерусалиме! Пути твои рыдают, отъясая от тебе вся лепота твоя... Видех бо языки, вшедшие во святыню твою, им же не подобало входить в церковь вою. Матерем рекоша: где пшеница и вино... Кто спасет тя, Иерусалиме... Слушайте, слушайте слово мое, телицы Васанские. Речет Господь устами моими. Так говорит Бог, – продолжал отец Никифор. – Было великое Божие наказание. Будет еще горшее, дондеже не опомнитесь. Умрите! Умрите! – с силой закричал он. – И воскресните вновь. Умрите вашей душой, полной соблазна и грязи, и восстановите храм Духа Божия. Умрите в похоти своей, отойди жена от мужа и муж от жены и сочетайтесь со Христом. Жив Христос во плоти. Жив Дух Божий. Был распят один и умре плоть его, но дух Божий вселился в Нового Христа, и не умрет Христос во плоти вовеки...

И хор тихо запел:

Поклонитесь пустыне,
Поклонитесь Христу...
Бог тогда Христа рождает,
Когда Христос умирает...

Отец Никифор поднял высоко над головой руки и сошел с возвышения...
Его окружил хор.

Бог тогда Христа рождает,
Когда Христос умирает, —

напевал пророк, слегка раскачиваясь в такт песни.

Бог тогда Христа рождает,
Когда Христос умирает... —

вторил ему хор.

Девушки взялись за руки и мерно покачивались. Постепенно темп напева ускорился и ускорился, девушки уже кружились. Голоса присутствовавших подхватили напев.

Ирина чувствовала, что ее голова кружится.

Бог тогда Христа рождает,
Когда Христос умирает... —

звенело в ее ушах.

Кружение девушек приняло бешеный темп...

С истерическими криками многие женщины бросались в этот дикий хоровод. Напев утратил всякую гармонию... Слышались дикие выкрики:

– О мой царь! О мой Бог! О Дух Святой!

Необъяснимое чувство овладело Ириной. Она не могла с ним бороться... Ее вдруг охватило дикое желание петь, кричать, прыгать... Она сорвалась с места, вmeshалась в хоровод и закружилась в каком-то опьянении... Она тоже что-то выкрикивала, что-то пела и кружилась, кружилась до тех пор, пока не почувствовала непобедимую истому и желание сейчас уйти, лечь и забыться в каких-то нестройных, но чудных грезах...

Когда иступление овладело всеми, лицо хозяина дома сразу утратило свое вдохновенное выражение. Он вышел из круга. На него уже никто в эту минуту не обращал внимания. Это была такая знакомая ему картина общего безумия.

Он стал в стороне и хищным взглядом следил за кружащимися женщинами. Так ястреб выбирает себе из стаи птиц жертву. И все чаще, всего упорнее его загоравшийся взгляд останавливался на прекрасном лице Ирины.

Он заметил, как вдруг она побледнела и пошатнулась...

В одно мгновение он был уже около нее и принял ее в свои объятия. На это никто не обратил внимания. Все привыкли к тому, что пророк кого-нибудь всегда уводил из круга, и многие завидовали такой счастливице.

Почти неся полубесчувственную Ирину, он прошел через комнату, прошел другую и вошел в маленькую, едва озаренную лампадой комнату, убранную коврами, с большим диваном по середине, всю пропитанную крепким запахом ладана и кипариса, от которого кружилась голова.

Тихо, осторожно посадил он Ирину на диван. В полусознании она откинулась головой на вышитые подушки. Отец Никифор подошел к двери, запер ее на задвижку и вернулся к дивану.

Ирина открыла глаза и тотчас закрыла их.

Ему было хорошо знакомо это расслабленное истомное состояние...

Он низко наклонился над молодой княгиней.

XVI

Трудно передаваемое ощущение охватило Ирину после странного экстаза, овладевшего ею так внезапно, как внезапно поражает человека при эпидемии какая-нибудь страшная болезнь. Ее мгновенно захватил вихрь общего безумия.

И теперь ее измученное тело покоилось в блаженной истоме. Ей казалось, что она тихо колыхается на волнах, и эти волны о чем-то журчат, сливая свое убаюкивающее журчание с далеким клиром ангелоподобных голосов. Бежит река, по берегам цветут невиданные цветы... Не река ли это времени, тихо – несущая ее в океан вечности?.. Полусонная душа сладко грежит, и странно, что этой полусонной душе все ясно, все просто... Нет ни мук, ни сомнений... Очищенная и просветленная любовь овладела ею... О чем мучиться?.. Люби, пока можешь любить, грезь чудными видениями, крепче прижми к молодой груди любимую голову и дыши тихо, тихо, чтобы не потревожить влюбленного сна... Чье-то лицо низко склоняется, чьи-то глаза горят... Это Левон! Левон! Раскидываются руки для объятий...

Жадные губы до боли приникли к ее полураскрытым губам, и очарование исчезло...

Пропали чарующие видения, умолк хор божественных голосов, сердце испуганно забилося, и вдруг проснулось сознание.

С легким криком Ирина широко открыла глаза и прямо над собой увидела бледное, искаженное лицо Никифора.

Она сделала движение подняться, но тяжелая рука легла на ее плечо, и дрожащий, прерывающийся голос зашептал:

– Голубица моя чистая, не противься... Сосуд Бога живого. Путь указан тебе свыше. Чрез тебя придет спасенье праведных и снидет на тебя благодать... И оживет Христос во плоти...

Лились безумные кощунственные слова, и все ниже склонялось испуганное лицо, лицо безумца, искаженное страстью, и тяжелая рука крепче сжимала нежное плечо.

Мгновенный ужас сменился энергией отчаяния. Изо всей силы обеими руками толкнула Ирина в грудь пророка. Он отшатнулся. Она воспользовалась этим мгновением и вскочила с дивана, вся дрожа от страха и гнева.

– Прочь, – крикнула она, – подлец, святотатец!

Полубезумный взгляд ее скользнул по слабо озаренной комнате. Она была одна с этим теперь страшным человеком: Он стоял между нею и толстой, запертой на тяжелую задвижку дверью... Никто не услышит здесь криков... Неясно доносились даже дикие выкрики из Сионской горницы...

На мгновение ошеломленный, отец Никифор пришел в себя...

– А – а, – угрожающе прошептал он, – от меня так не уходят.

И он сделал шаг к ней.

– Не подходи, – снова крикнула Ирина, протягивая руки, – я задушу тебя...

– Кричи – тебя не услышат...

В полумраке комнаты страшным пятном белело лицо Никифора, и на этом лице фосфорическим светом горели расширившиеся глаза...

В последний раз Ирина бросила безнадежный взгляд на угол, где горела лампада, словно ожидая поддержки и помощи, как она привыкла с детства в минуты огорчений обращать свои глаза всегда в тот угол, где перед иконой теплилась лампада. Но в этом доме икон не было...

«Боже, спаси!» – пронеслось в ее душе...

И вдруг что-то блеснуло ей в глаза... И она увидела на маленьком столике под лампадой поднос с бутылкой вина, плоды и рядом с ними небольшой ножик.

Одним прыжком она очутилась у стола и схватила тупой, но с острым концом фруктовый нож.

– Не подходи, – снова повторила она с поднятой рукой.

Но Никифор уже ничего не видел. Он бросился к ней и сжал ее железными руками.

– Оставь, – задыхаясь, твердила она, – оставь...

И, почти теряя сознание, она с размаху опустила нож на плечо Никифора, около шеи.

Его руки разжались... Он выпрямился, потом пошатнулся и с хриплым криком: «Сюда! Убили!..» – упал на пол.

Ирина стояла как окаменевшая. Она видела, как на белом хитоне Никифора у правого плеча появилось темное пятно, как оно расползлось звездой... Ее тошнило... голова ее кружилась. Но мысль быстро, лихорадочно работала... Позвать на помощь... Но кого? Этих обезумевших людей?.. Нет, нет! Бежать, бежать скорей из этого проклятого дома, от этого трупа, от этих криков и воя!..

Никифор лежал неподвижно... только легкое хрипенье показывало, что он еще жив.

Необычайная энергия, пробуждающаяся в минуты особого потрясения у самых слабых людей, овладела Ириной.

Твердой рукой она открыла задвижку, распахнула тяжелую дверь и вышла в коридор. Дикая выкрики неслись к ней, и снова ужас овладел ею. Она побежала. Словно тайный инстинкт указывал ей верный путь. Она вбежала в комнату, где лежали шубы. Не помня себя, она накинула свою шубку, нашла шапочку, раскрыла дверь и побежала, среди сугробов снега, по узкой тропинке к калитке.

Только выбежав на пустынную просеку, княгиня овладела собою. Куда идти? Она не знала. Она оглянулась по сторонам. Вдали у забора виднелись экипажи. Внезапная мысль овладела ею.

– Не надо показывать, что я бежала, – решила княгиня.

Она остановилась, перевела дух, надела как следует шубку и, собравшись с силами, уверенно направилась к экипажам.

Подойдя, она громко крикнула:

– Карета княгини Напраксиной.

Из ряда экипажей тотчас выехала карета.

– Ты отвезешь меня домой, на Набережную, и вернешься за княгиней, – так приказала она.

Кучер, узнавший ее, ответил:

– Пожалуйста, ваше сиятельство.

Только в карете Ирина почувствовала необыкновенную слабость. Силы ее покинули. Она в ужасе забила в угол кареты. «Убийца! Убийца!» – словно кричал ей в уши чей-то голос, звучащий как тяжелый колокол.

Убийца! Вечно проклятая! Никто не смоет этой темной кровавой звезды на белом хитоне. Она застонала и закрыла глаза. Мысли вихрем кружились в ее голове. Левон, старый князь... позор... суд... Все кончено. Не лучше ли умереть! О, с какой радостью она умерла бы сейчас. Но разве она так виновата. Разве она могла поступить иначе... Еще сейчас при мысли о его поцелуе ненависть наполняла ее душу, и она с отвращением вытирала и терла почти до крови свои губы, и ей казалось, что никогда, никогда не сотрет она грязных следов проклятого поцелуя... А что там? Как найдут его труп? Как завтра весь Петербург узнает, кто убийца?..

Кучер торопился, и лошади неслись...

Вот и темный маленький дворец...

Спрятаться, убежать.

Карета остановилась. Княгиня выскочила из кареты. Не считая дала кучеру горсть каких-то монет и, гонимая ужасом, бросилась в подъезд.

XVII

Когда Лев Кириллович вернулся домой, оживленный и возбужденный своими разговорами с шевадье и Новиковым, первым вопросом его было: дома ли княгиня?

К его удивлению, ему ответили, что ее сиятельство уехали. Это поразило его. Он так привык, что последние дни княгиня безвыходно сидела дома. А теперь тем более, ввиду его близкого отъезда, он думал, что княгиня будет избегать выездов. Он уже забыл о своем решении избегать встреч с княгиней до отъезда и с эгоизмом влюбленного негодовал на нее.

«Ну, что ж, – с раздражением думал он, – конечно, что я ей? Разве мы не чужие люди? Бог с ней!»

Но, несмотря на такие мысли, он не мог успокоиться. Куда она могла поехать?

– А старый князь дома? – спросил он лакея.

– Никак нет, – ответил лакей, – их сиятельство отбыли во дворец.

– Во дворец? – с удивлением спросил Левон. – В какой?

– К ее величеству вдовствующей императрице, – ответил лакей. – Сейчас же после завтрака пришла эшпафет.

– С княгиней? – быстро спросил Левон, и у него отлегло от сердца.

– Никак нет, – ответил лакей, – их сиятельству занездоровилось. Потом был их батюшка.

Они вместе и отбыли.

Левон нахмурился. Ему вообще не нравился Буйносов, Друг Голицына, ханжа и лицемер, как представлял он его себе.

– Ну, ладно, – сказал он, – вели подать мне ужин.

Ему не хотелось есть, но хотелось как-нибудь убить время.

Он сидел за столом, ничего не ел, но усиленно пил стаканчик за стаканчиком старое рейнское вино.

Оживление его погасло. Ревнивая тоска овладевала им. «Благо, общее благо, все это очень хорошо, – думал он, – но что же остается лично человеку? Любить всех – значит не любить никого... Ах! От Наполеона до последнего раба в его вотчине всякий жаждет личного счастья. Маленького, уютного уголка, где отдыхало бы сердце. Ни слава, ни власть не могут заполнить этой пустоты. На вершине величайшего могущества человек будет одинок и несчастлив, если его сердце, только уголок его сердца не будет заполнен. Без личного счастья ничто не нужно... Ничто...» Такие мысли овладевали молодым князем по мере того, как он все больше и больше пил старый рейнвейн... И опять та же мысль захватила его. «Если нет личного счастья, надо умереть».

– Ну что же, умрем! – почти громко произнес он, выпивая новый стакан вина.

– А вот и я! – раздался звучный голос. На пороге стоял старый князь.

– Ба! Да ты один, – продолжал он весело. – Я слышал твой голос. Это, значит, ты говорил монолог...

Никита Арсеньевич весело рассмеялся. Он был при полном параде. Под темным фраком голубела лента, на груди в бриллиантовых огнях горела звезда.

– Да, я один, – ответил Левон, вставая навстречу дяде, – я расфилософствовался.

– Вижу, вижу, – с улыбкой промолвил князь, подмигивая на пустую бутылку. – Ну, я так голоден и с удовольствием поем. Надо тебе сказать, – продолжал он, – что умеренность и экономия наша добродетель. Мы сохранили традиции императора Павла... Ох, голодно было на его ужинах. Вот Григорий Александрович, тот умел покушать и умел угостить. Уж ежели ужин у светлейшего – так ужин. А где же Irene? Я думал, ты говоришь с ней.

– Я не знаю, где княгиня, – ответил Левон.

– А – а, наверное, у своей приятельницы, этой ханжи Напраксиной, – сказал Никита Арсеньевич. – Терпеть не могу ее... Собирает какую-то сволочь у себя, на которую я пожалел бы кнутов на моей конюшне.

– Что слышно нового? – спросил Левон, желая переменить разговор.

– Что нового? – отозвался старый князь. – Разве только то, что мы уже в Париже, а Бонапарт повешен... Таково, по крайней мере, их желание. Ах да, вот новость так новость. Предполагается сватовство великой княгини Екатерины Павловны с прусским королем. Она в самом деле создана царствовать... Но, какая игра судьбы! Тверь, сватовство Наполеона, принц Ольденбургский и король прусский. Тут есть над чем задуматься философу. Отдаст ли только государь эту Эгерию?

Левон рассеянно слушал слова дяди. Что ему за дело до всех этих комбинаций!..

– Ну, что ж, подал ты Горчакову рапорт? – переменял разговор старик.

Левон слегка покраснел.

– Нет, дядя, – ответил он, – я говорил сегодня с Новиковым, и мы на несколько дней отложили свой отъезд. Вы знаете, рапорт связывает.

Старик кивнул головой.

– Чем дольше останешься здесь, тем лучше; я все время твержу тебе об этом, – сказал он. – Но что это? – прервал он себя. – Ты слышишь? Кто-то словно бежит.

Он не успел кончить, как в столовую вбежала княгиня.

– Княгиня!

– Irene!

Мужчины вскочили с мест.

– Ты! Что случилось? – с тревогой воскликнул князь, бросаясь к жене.

Левон остался стоять словно прикованный к месту.

Ирина была страшно бледна, маленькая меховая шапочка едва держалась на голове, черные растрепавшиеся волосы еще сильнее оттеняли ее бледность, ее взор дико блуждал по сторонам, шубка была расстегнута...

– Irene, ради Бога, что с тобой? – князь нежно обнял жену.

– Оставь, оставь меня! – иступленно закричала Ирина, с силой вырываясь из его объятий. – Я убийца! Убийца! Убийца!

Она судорожно разрыдалась и пошатнулась. Князь поддержал ее. Она вся билась в его объятиях.

Левон вышел из оцепенения и подбежал к княгине.

Они усадили ее в высокое кресло. Князь бережно снял с нее шубку.

В дверях показались встревоженные и любопытные лица лакеев. Но старый князь, нахмурился, взглянул на них, и они мгновенно скрылись.

Левон подал княгине вина. Ее зубы стучали о края бокала, но она все же сделала несколько глотков.

Старый князь стоял перед ней на коленях и с бесконечной нежностью смотрел в ее лицо. Она взглянула на него уже просветленным взглядом и, тихо заплакав, упала головой к нему на плечо.

Все молчали; слышались только детски – жалобные всхлипывания Ирины.

– О, как я страдаю! – тихо прошептала она.

– Irene, – глубоким голосом сказал князь, – ты знаешь, что ты мне бесконечно дорога, что бы ни случилось. Если можешь, скажи сейчас. Если хочешь – скажи позже. Моя вера в тебя безгранична так же, как и моя любовь.

Он замолчал и хотел поцеловать ее руку.

– Нет, нет, – торопливо сказала Ирина, – эта рука, – и она снова заплакала. – Да, – начала она, – я не хочу молчать ни одного мгновения...

Она порывисто встала с места. Встал и старый князь. Левон сделал движение уйти.

– Останьтесь, – остановила его княгиня.

Левон бросил вопрошающий взгляд на старого князя.

– Останься, Левон, – быстро произнес князь. – Мы – одна семья.

– Да, – тяжело переводя дух, начала Ирина, – я – твоя жена, княгиня Бахтеева, с сегодняшней ночи – убийца. О, лучше бы мне не родиться! – в страстном отчаянии воскликнула она. Она помолчала и сделала несколько глотков вина. – Я убила, – продолжала она, – и не раскаиваюсь в этом. Я защищала свою честь.

Левон побледнел и взглянул на князя. Лицо князя приняло такое страшное выражение, что Левону невольно вспомнились рассказы о том, что сам светлейший князь Тавриды робел иногда перед своим другом и называл его бешеным.

– Я убила» их» пророка – Никифора, – произнесла Ирина.

И со странным, почти неестественным спокойствием, как автомат, беззвучным, глухим голосом она рассказала все, происшедшее в этот день. И свой внезапный порыв, когда она вмешалась в круг обезумевших мужчин и женщин, и свой обморок, похожий на сон, и свое пробуждение, и трагическую развязку своего приключения...

С бледным, словно каменным, лицом слушал ее признания старый князь.

– Ты была права, – тихо, с важностью сказал он, – но я боюсь одного: ты, может быть, не убила его?

На лице Ирины появилась слабая улыбка.

– Я так была бы счастлива... Я не могу... как ты добр, – слабея, прошептала она, обнимая старого князя.

– Успокойся же, моя деточка, – нежно начал он.

Но он почувствовал, что тело Ирины отяжелело и она падает из его объятий. Он крепче обнял ее.

Ирина лишилась чувств.

XVIII

Княгиня Напраксина была одна, когда ей доложили о князе Никите. После вчерашнего собрания она чувствовала себя не совсем здоровой. Кроме того, уезжая с собрания почти на рассвете, она, как и другие участники «святого бдения», узнала, что «пророк» захворал. Ангелоподобная Мария из Магдалы сообщила, что «пророк» в экстазе молитвы истязал себя до крови. Что, не довольствуясь ременной семихвосткой, которой он нередко истязал себя, он нанес себе во имя Страстей Господних несколько ран ножом и окровавил себя. Она сообщила также, что эти раны промыты, перевязаны и что «пророк» очень ослаб и теперь задремал... От своего кучера Напраксина узнала, что он отвез княгиню домой, но не придала этому никакого значения, думая, что молодая женщина не вынесла сильных впечатлений и, не желая отвлекать ее от благочестивых упражнений, уехала одна домой. Ее больше занимало здоровье отца Никифора, и, едва проснувшись, она отправила с тем же кучером свою доверенную горничную справиться о здоровье святого человека. Горничная повезла с собой великолепный букет из оранжерей княгини. Горничная вернулась с успокоительными известиями. «Пророк» благодарил за цветы и внимание. У него был доктор, осмотрел его раны – они оказались неопасными, и только приказал полный покой. Это опечалило княгиню. Когда же снова будет собрание? У него не может быть. У Батариновой какое же может быть собрание без «самого»? Сколько времени она не увидит его? «Я поеду к нему, – решила княгиня. – Завтра же».

Как раз во время этих размышлений ей и доложили о приходе князя Бахтеева. Смутное чувство тревоги овладело ею. Она знала, что князь не был посвящен в эти тайны, и знала его убеждения.

Почти следом за доложившим лакеем в комнату вошел старый князь.

Любезные слова застыли на губах княгини, когда она увидела князя.

Во фраке со звездой, прямой в стройный, он подходил к ней с таким суровым, тяжелым взглядом, с такой надменностью и презрением, что она сразу оробела до того, что не решалась даже протянуть ему руку. Но все же сила привычки взяла наконец свое, и она произнесла любезным тоном:

– Добро пожаловать, дорогой князь. Вы такой редкий гость..

Он окинул ее мрачным взглядом и медленно ответил:

– Я приехал к вам, княгиня, не как гость. Я приехал по делу

Княгиня овладела собой и холодно сказала.

– Какое же дело может быть, ваше сиятельство, у вас до меня? Прошу садиться...

Она опустила в кресло, указывая рукой на другое.

– Самое незначительное, – ответил князь, не садясь, – я бы хотел узнать адрес вашего проходимца или, если вам больше нравится, вашего пророка, святого, угодника, или как хотите?

Негодующая княгиня вскочила с места.

– Я не знаю, о ком вы изволите говорить, ваше сиятельство, – начала она, – среди моих знакомых нет проходимцев.

– Но я ведь предлагаю вам на выбор несколько названий. Выбирайте любое. Я говорю о каком-то Никифоре, – спокойно возразил князь.

Княгиня в волнении заходила по комнате.

– Такие люди, как вы, – начала она, – губят Россию; для вас нет ничего святого.

Князь насмешливо поклонился.

– Да, да, – продолжала взволнованная Напраксина, – вы забыли еще один эпитет, дорогой князь. И этот эпитет – «мученик». Вы так легко говорите о нем, а этот святой всю ночь провел в молитве, истязая свое тело. Да можете ли вы понять это! Ему мало, что он носит вериги,

он истязает себя. Он исколол свое тело ножом, и чуть не истек кровью, и вы решаетесь так говорить.

По мере того, как говорила княгиня, лицо Никиты Арсеньевича светлело. Слава Богу, имя его жены не замешано.

– Ну, что же, – все же с некоторой тревогой спросил он, – умер он?

Напраксина вспыхнула.

– К вашему горю, – сказала она, – он не умер и не умрет. Доктор поручился за его жизнь.

– Тем лучше, – сухо сказал князь, – теперь мне не нужен его адрес.

Княгиня с изумлением взглянула на него, и неясное, смутное подозрение шевельнулось в ее душе.

– Теперь мне надо сказать несколько слов вам и для передачи вашему святому, – продолжал князь.

– Князь, – возмущенно воскликнула княгиня, – я не понимаю вашего тона.

– О, это совершенно не важно, если вы поймете мои слова, – сказал князь. – Я прошу вас, княгиня, оставить в покое мою жену...

– Вы с ума сошли, – воскликнул Напраксина. – вы у меня в доме!

– К сожалению, да, – ответил князь, и в его голосе послышалось что-то угрожающее и властное. – Я предупредил вас. Или вы находите, что климат Петербурга вреден для вас?

– Это неслыханно, – произнесла Напраксина, – я буду жаловаться императрице.

– Ну, что ж! – пожал плечами старый князь, – жалуйтесь. От вас я еду к главнокомандующему Петербурга от него к канцлеру, а от канцлера во дворец. Меня еще не забыли.

Княгиня опустила голову. Она понимала, что борьба не равна. Да, положим, она пользовалась известным благоволением, но князь Бахтеев был там свой человек, он несметно богат и, что всего главнее, был любим покойным императором и до конца верен ему. Он во дворце повернулся спиной к графу Беннигсену и не принял приехавшего к нему с визитом князя Зубова. Это очень оценили.

Все эти мысли мгновенно промелькнули в уме княгини. Но все же она с гордым видом произнесла:

– Ваша жена очень молода, ей еще рано заниматься высшими вопросами...

– Прекрасно, – прервал ее князь, – я очень рад, что мы согласны в этом пункте. А теперь еще: передайте вашему пророку, что, когда он поправится, пусть уедет отсюда.

– Он свободный человек, – ответила Напраксина, – ему нельзя приказывать. Кто вы, чтобы так самовластно распоряжаться?

– Да, – насмешливо сказал князь, – я – никто, но все же передайте этому человеку, чтобы он не мешкал с отъездом, иначе...

– Иначе? – переспросила Напраксина. Глаза князя вспыхнули

– Иначе, – ответил он, – я найду его и возьму. Возьму, где найду: на его квартире, у вас, у Батариновой, у Барышниковой... Ничто не спасет и не укроет его от меня. Даю вам в этом слово князя Бахтеева, слово, которому верили две императрицы и три императора. И клянусь Богом, ничто и никто не защитит его от меня. Господин пророк любит истязания. Я доставлю ему это удовольствие на моих конюшнях. Передайте же ему, княгиня, чтобы он скорее выздоравливал, если не хочет преждевременно отправиться в рай. Больше нам, кажется, не о чем разговаривать, – закончил с легким поклоном князь. – До свиданья, княгиня, или, вернее, прощайте.

– Прощайте, – ответила Напраксина, – мне жаль вас. Вы уже старик и для вас нет ничего святого. Вам надо было жить в век Бирона.

– Возможно, – усмехнулся князь, – но все же жаль, что ваш святой не живет в век инквизиции.

XIX

Петербургское общество переходило от торжества к торжеству. Едва было отпраздновано взятие Берлина, как пришло известие о занятии казаками полков Денисова 7-го и Гребцова и прусским отрядом Тетенборна Гамбурга, этого значительнейшего торгового пункта во всей Германии и богатейшего города на всем материке Европы. Из частных писем было известно, с каким восторгом гамбуржцы встретили своих русских освободителей. Всю ночь продолжалась пальба из ружей и пистолетов, город был иллюминирован, на каждой улице были выставлены бюсты императора Александра, украшенные цветами и лаврами... Затем прилетела победная весть о занятии казачьим отрядом подполковника Бенкендорфа города Любека. Были доставлены берлинские газеты с пламенными воззваниями короля Фридриха к народу и войску. С умилением передавали о встрече монархов в Бреславле, о первой встрече после долгой разлуки и вынужденной вражды. Рассказывали, что король в сопровождении принцев своего дома выехал навстречу императору и, увидя его, выскочил из коляски и со слезами бросился в объятия своего венценосного освободителя и друга.

Весь путь императора был сказочным триумфальным шествием, среди народных восторгов и благословений.

Заграничный поход казался какой-то героической феерией. Скептики принуждены были молчать... Хотя они могли бы сказать, что Берлин был оставлен французскими войсками без сопротивления по стратегическим соображениям, что в Гамбурге был только едва тысячный французский отряд, что прусский король был вынужден на союз с народным движением, что призрак новой Иены неотступно преследовал его, и при изменившихся обстоятельствах он не задумываясь принесет в жертву своего бескорыстного друга... Что впереди по ту сторону Эльбы в грозном безмолвии готовит новые удары еще верящий в свою звезду и обожаемый Францией ее император...

Но все эти вести, слухи и разговоры как-то скользили по душе Левона. Он весь был поглощен теперь одной мыслью, одной страстью. Только теперь, после того, что случилось с Ириной, он понял, как она дорога ему и как далеко зашло его увлечение. Ирина была больна два дня, у нее оказалось сильное нервное потрясение. Она все время плакала, чего-то боялась, по ночам в ужасе просыпалась и звала на помощь. Старый князь не отходил от нее. На третий день она встала, успокоенная, но сильно побледневшая и похудевшая. Ее выздоровлению содействовали вести что рана, нанесенная ею, оказалась неопасной, хотя пророк и потерял много крови. И потом еще то, что никто не заподозрил ее. Никифор, по вполне понятным соображениям, скрыл настоящую причину своей болезни и оставил всех в убеждении, что он сам нанес себе рану в порыве религиозного экстаза... Зато его слава возросла еще больше. Его навещали, присылали цветы, возили к нему докторов. Одна Напраксина кое-что смутно подозревала благодаря неосторожным словам князя и самому факту его посещения. Кроме того, она знала этот религиозный экстаз Никифора и вполне искренне считала непреложной истиной непрерывное возрождение во плоти Духа Божия последовательно от Богочеловека до настоящего времени... Ей очень хотелось повидать Ирину, но, помня слова князя, она боялась к ней поехать. Она написала Ирине длинное письмо, в котором передавала ей благословение пророка. Но это письмо было возвращено ей.

За эти дни Левон не видел княгини. Старый князь тоже проводил все время у жены, так что свидания дяди с племянником были очень кратки и разговоры их сводились только к здоровью Ирины.

Буйносов узнал о болезни дочери на другое же утро когда радостный приехал еще раз поблагодарить дочь. Он уже успел побывать в главной конторе у Бурова и получить чек на

очень крупную сумму. Но в этот день его не допустили к дочери. Князь объяснил ему, что Ирина вернулась в сильной лихорадке, всю ночь бредила, и теперь ей предписан абсолютный покой. Евстафий Павлович был глубоко огорчен болезнью дочери. Его допустили только на третий день, когда Ирина уже встала, но еще не выходила из своих комнат. Он пробыл у нее недолго, так как Ирина была еще слаба и ее, видимо, тяготил всякий разговор.

Левон томился и не находил себе места. От Новикова, несмотря на его обещание, не было никаких известий ни на другой, ни на третий день. Лев Кириллович раза два заезжал к нему, но не заставал его дома. Он чувствовал себя очень одиноким и с горечью видел, что теперь, в минуты тревог, он был словно чужим и лишним в этом доме... Не зная, куда деться от тоски, он вдруг вспомнил о виконте де Соберсе и решил съездить к нему, тем более что он обязан был это сделать по долгу вежливости. Эта мысль оживила Левона. Все же хоть полдня пройдет незаметно.

Он узнал от старшего метрдотеля, на обязанности которого было вести список всех гостей дома, адрес виконта и отправился к нему.

Виконт жил сравнительно недалеко, на Васильевском острове. Как пленный офицер, он состоял на учете у главнокомандующего Петербурга, но пользовался полной свободой в выборе местожительства.

Соберсе жил в довольно просторном деревянном домике, окруженном садом.

Дверь князю открыла какая-то старуха с повязанной головой и на вопрос князя, дома ли виконт, ответила:

– Молодой барин дома, пожалуйста.

Она провела его в небольшую гостиную и вышла.

Вид гостиной сразу поразил князя. Он ожидал увидеть комнату, обставленную, как ее обставляют средние обыватели, вроде маленьких чиновников, ютящихся на окраинах города. Обитая дешевой материей мебель, ситцевые занавески на окнах, вытертый ковер на полу, в красном углу икона. Но он глубоко ошибся. Пол был покрыт великолепным ковром, на котором была изображена гибель Актеона. Князь сразу узнал мебель, достойную дворца, мебель работы Шарля Буля с художественной инкрустацией. Несколько этажерок со статуэтками из драгоценного китайского фарфора стояли по стенам. С потолка свешивалась люстра из горного хрусталя. И на стене против входной двери висел большой поясной портрет, работы неизвестного князю мастера, императрицы Елизаветы в тяжелой золотой раме, украшенной короной.

«Что за чудеса, – думал князь, – какой же чудак сдает такую квартиру?»

Но едва ли не больше обстановки его поразил голос старухи, открывавшей ему дверь. Этот голос произнес в соседней комнате:

– Monsieur attend au salon. Il est chez nous pour la premiere fois.

Фраза была сказана правильно, хотя с грубым акцентом.

Князь прямо раскрыл рот от изумления. Как, эта старая баба, прислуга, какая-нибудь Акулина или Анисья, вдруг говорит по – французски! Нет, тут положительно что-то не ладно.

Но едва успел подумать это Левон, как в комнату то ропливо вошел Соберсе.

– Как мне благодарить вас, князь! – начал виконт протягивая ему обе руки. – Если бы вы знали, как я бесконечно одинок.

В его голосе прозвучала неподдельная тоска

– Я исполняю приятный долг, навещаю вас, – ответил князь, дружески пожимая руку виконту. – Отчего вас давно не видно? Вы были больны?

Лицо виконта, действительно, осунулось и побледнело, глаза горели беспокойным огнем.

– Нет, благодарю вас, – сказал он, – я совершенно здоров, но, вы понимаете, разве я могу где-нибудь бывать теперь?

Князь понял его. Разве можно равнодушно слушать об унижениях родины? Он с чувством пожал еще раз руку Соберсе.

– Я понимаю вас, – сказал он, – и я не враг вам, хотя и еду воевать против вашей родины.

– Я в ложном положении, – печально сказал Соберсе. – Ваше общество очень радушно встретило пленных наших офицеров. В том числе и меня. Мое древнее имя заставляло предполагать во мне сторонника Бурбонов. Я знаю, многие из наших пленных офицеров хотят остаться в России. У всех есть свои причины. Одни не любят императора, другие утомились бесконечными войнами, иные ждут возвращения Бурбонов, а некоторые нашли свои привязанности в России... Все это открыло нам широкий доступ в ваше общество... Таким считали и меня... Может быть, и вы считаете меня таким же. В таком случае я не хочу ложно пользоваться вашим вниманием. Мое положение очень тяжело. Повторяю, я не хочу, чтобы обо мне думали не то, что есть. За месяцы моего плена я оценил русский народ. Быть может, этот несчастный поход величайшая ошибка, но я подданный моего императора, в нем одном я вижу славу моей родины...

– Я вижу в вас только жертву несчастной войны, – взволнованно ответил князь, – но не моего врага. И если бы нам пришлось с вами встретиться на поле битвы – чувства уважения и симпатии моей к вам останутся те же.

Соберсе был, видимо, тронут.

– Пройдемте ко мне, – сказал он, – там мы можем свободнее беседовать.

Просторная комната Соберсе поражала своей простотой. Узкая постель, простой стол, несколько стульев и чемодан в углу.

– Вот здесь моя темница, – с горькой улыбкой сказал Соберсе.

– Эта комната очень скромна, – ответил князь, – это правда, но ваша гостиная достойна дворца.

– Ах, я не сказал вам, у кого я живу, – с живостью произнес виконт. – Ведь я живу у знаменитого человека.

– У кого же? – с любопытством спросил князь.

– У Жака Дюмона, – ответил Соберсе. – Неужели вы о нем не слышали?

Князю Бахтееву как будто было знакомо это имя, но он не мог припомнить, где и когда он слышал его. Он отрицательно покачал головой.

– Ну, конечно, мне надо было этого ожидать, – весело воскликнул Соберсе, – вы еще так молоды. Но ваш дядя, наверное, его хорошо помнит. Ведь это тот самый Жак Дюмон, который учил танцевать еще при дворе Елизаветы. Учил великую вашу Екатерину, когда она была еще женой наследника престола... Неужели же вы не слышали о нем?

Но князь уже вспомнил.

– Как! Он еще жив? – воскликнул он.

Виконт улыбнулся.

– *Sic transit gloria mundi!* – произнес он, – это живая хроника прошлого века. Я целыми вечерами без усталости слушаю его, когда он начинает свои рассказы о Разумовском, о Потемкине, о встречах с Суворовым, о блеске двора Екатерины. Ему, кажется, восемьдесят пять лет, но он еще очень жив душой. Теперь о нем забыли, а в свое время он имел большое влияние

– Но кто эта женщина? – спросил князь.

– Ах, эта старуха? – ответил виконт. – Представьте, это единственная крепостная Дюмона, да он уже давно отпустил ее на волю, но она не хочет признавать этого. Ее зовут Дарьей. Она чуть не пятьдесят лет уже живет у него и выучилась говорить по – французски. Это единственная наша слуга, но она очень бодрая и деятельная, а мы люди нетребовательные. Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

XX

Небольшая, но уютная столовая опять поразила князя своим изяществом. Красного дерева буфет, за стеклом которого виднелась тонкая фарфоровая посуда, изящная сервировка стола, стены с картинами охотничьей жизни, горка серебра и золота, стулья красного дерева с высокими спинками – все это было так необычно в этом скромном снаружи домике на окраине столицы. Но всего интереснее был сам хозяин, некогда знаменитый придворный танцовщик Жак Дюмон. Изысканно, хотя по старомодному одетый, в фиолетовом камзоле покроя времен Екатерины, в бальных туфлях, сухощавый и стройный, со свежим маленьким лицом и ясными глазами, в большом парике, Дюмон стоя приветствовал князя, опираясь на палку с массивным золотым набалдашником.

Виконт представил ему князя.

– Добро пожаловать, князь, – проговорил, слегка шамкая, старик, делая грациозное движение рукой.

Старик произнес эту фразу по – русски довольно чисто, хотя с заметным акцентом и несколько медленно.

Князь глубоко поклонился и ответил по – французски:

– Не всякому выпадает на долю счастье видеть знаменитого Дюмона.

Старик гордо выпрямился.

– А, молодой человек, я еще не забыт. Я думал, что меня давно похоронили. Со смерти князя Потемкина я перестал бывать в обществе, – сказал старик, – а этому уже двадцать лет. Прошу садиться, еще раз добро пожаловать, – закончил он.

«Положительно, в этом домике чудеса, – думал князь, с удовольствием принимаясь за еду. – Кто бы мог ожидать здесь такого изысканного завтрака!»

А старик продолжал с увлечением говорить:

– Да, в последний раз я был на том знаменитом празднике, который дал светлейший князь Потемкин императрице в свой последний приезд в Петербург... Я уже был не молод. Мне было за шестьдесят лет, но я все же выступал тогда в балете. Тогда светлейший подарил мне бриллиантовую табакерку. Ах, что это был за вельможа! Но это был печальный день. Я помню, как князь, провожая императрицу, опустился на колени и заплакал. И она заплакала, поднимая его с колен, заплакал и я, – говорил старик, и на его глазах появились слезы. – Мы словно чувствовали, что больше никогда не увидим этого героя... Так и вышло... А потом настали иные нравы. Словно душу вынули... И мне нечего было делать.

Старик грустно поник головой.

– Да, вам есть что вспомнить, – задумчиво произнес князь.

– О, есть, – воскликнул старик, делая широкий жест рукой, – каждая вещь в моей квартире связана с воспоминанием. Вот этот серебряный бокал для вина, – продолжал он, поднимая бокал, – ведь это работа Бенвенуто Челлини, и он был подарен мне императрицей Екатериной в первые дни восшествия ее на престол. Эта трость, говорят, принадлежала Бирону. Граф Безбородко, у которого была единственная в мире коллекция тростей, предлагал мне за нее тысячу червонцев. Но я не отдам ее ни за какие деньги, так как мне подарил ее Потемкин за то, что я учил танцам его любимую племянницу графиню Браницкую. Попробуйте этого вина, – любезно предлагал старик, – ведь это рейнское из погребов императрицы Елизаветы. Я берегу его для дорогих гостей.

Князь поклонился.

– Благодарю вас, – ответил он, – вино действительно чудесное.

– О, оно старо, как я, – засмеялся Дюмон, – и кроме того, покойная императрица хорошо знала толк в вине...

Дюмон был, очевидно, рад слушателю. Рассказы и анекдоты текли неиссякаемой струей. Вереницей проходили перед воображением Левона потревоженные тени забытых вельмож и жеманных красавиц минувших царствований.

Время летело незаметно. Среди вызванных живыми рассказами старика призраков прошлого забывалась современная жизнь.

– Как интересно было бы моему дяде князю Никите побеседовать с вами, – заметил Левон, – ведь вы, наверное, встречались с ним.

– О да, – ответил старик, – как же не помнить князя Бахтеева. Было время, о нем говорил весь Петербург.

– Может быть, вы сделаете нам честь посетить нас, – сказал Левон.

Старик покачал головой.

– Нет, из этого домика я уеду только умирать... во Францию...

– Как! – воскликнул Левон, – вы хотите уехать из России?

– Приближается смерть, – грустно произнес старик. – Вся жизнь моя прошла в России. Здесь я пережил и свою славу, и своих друзей, все мои привязанности... У меня ничего не осталось здесь... И я хочу умереть на родине.

Он низко опустил голову, и на его глазах вновь блеснули слезы...

– Вот он, – указал старик на Соберсе, – возбудил во мне воспоминания о далекой и прекрасной родине... Я унесу из России благодарные воспоминания... Но где я родился – там и умру... Я уже решил это...

С чувством глубокого уважения смотрел Левон на этого старика, в котором на краю могилы вдруг пробудилась тоска по родине и, быть может, поздние упреки совести, что он посвятил всю свою жизнь чужой стране... Почти умирающий, он почуял властный призыв крови, и смертная тоска, жажда увидеть свою родину неотразимо овладели им...

У князя мелькнула мысль, куда же он устроит свои драгоценные коллекции, но он не решился спросить об этом. Разве возможно везти все это с собой!

Соберсе слушал слова старика, низко наклонив голову, и было видно, как всякое упоминание о Франции мучило его.

Князь встал.

– Я должен ехать, – сказал он. – Благодарю вас за часы, проведенные у вас. Но вас я еще увижу перед отъездом, – обратился он к Соберсе.

– Я думаю, – неопределенно ответил виконт.

Это посещение несколько развлекло Левона. По дороге домой он вспомнил рассказы старика, всю обстановку его квартиры, особенно его забавляло воспоминание о старухе Дарье, так свободно объясняющейся по – французски. И хотя не было ничего удивительного в том, что женщина, прожившая полвека в доме француза, умела говорить по – французски, все же ему казалось забавным такое сочетание: крепостная Дарья с подоткнутым подолом, с повойником на голове – и французский язык.

XXI

В первый раз вышла Ирина к обеду, к общему столу. За обедом был только один гость – Евстафий Павлович. Ирина вышла с тем же холодным, надменным выражением лица, которое знал Левон в первые дни знакомства. Она равнодушно поздоровалась с ним и сухо ответила на его вопрос о ее здоровье. Словно всем своим видом, своим тоном она хотела сказать: какое вам дело до меня? Оставьте меня одну...

Какой-то сложный духовный процесс произошел в Ирине в эти бессонно – лихорадочные ночи. Ей казалось, что она вдруг лишилась какой-то опоры в жизни, что она брошена во власть каких-то темных злых сил, что ей надо от чего-то бежать, от кого-то спастись, что она идет по узенькой тропинке над страшными обрывами и не к кому обратиться за поддержкой и помощью. Как будто грешные мысли, охватившие ее со дня встречи с Левоном, обратились в злых демонов, толкающих ее в темную бездну... И тайный голос твердил ей неумолчно: забудь о нем, отвергни его, иначе погибнешь сама.

Ее сердце разрывалось на части, и ей казалось, что каждая мысль о нем влечет за собою зло, неведомое несчастье, – и она отгоняла эти мысли.

Левон был поражен ее обращением. Ему, напротив, казалось, что после пережитого она должна видеть в нем верного друга, предупредившего ее и оберегавшего ее покой.

Не прошли бесследно эти дни и для старого князя. Он слишком много думал, видел и наблюдал, чтобы не понять, что весь мистицизм Ирины, ее стремление найти какие-то новые пути, доведшее ее почти до катастрофы, явно показывали ее неудовлетворенность жизнью. Она была с ним нежна и ласкова, но именно эта нежность и ласковость больше всего язвили его старое, но еще полное жизни сердце. Он казался задумчивым и словно постаревшим. На его благородном, львином лбу появились морщины которых раньше не замечал Левон. Тон его утратил свою величавую непринужденность...

Один Евстафий Павлович был оживлен и радостен. Он рассказывал новости дня, говорил, что на днях опять уедет в Москву отдать нужные распоряжения к отделке его московского дома, а потом проедет в подмосковную – приводить в порядок имение.

– Что поделатъ, князь, – говорил он, – свои крестьяне разбежались, приходится нанимать Бог знает кого для полевых работ. Нет рабочих рук. А тут еще рекрут требуют по восемь с пятами. Ну, скажите, где я могу найти их?

И он беспомощно разводил руками...

– Как-нибудь найдут, – с усмешкой отозвался князь, – армия движется вперед. Повеления следуют одно за другим. У наших дорогих союзников, кроме всего, не хватает пороха. Кроме людей, надо позаботиться и о нем. Это все цветочки, дорогой Евстафий Павлович, подождем ягодок.

Левон успел овладеть собой и, желая рассеять общее напряженное настроение, начал рассказывать о своем посещении Соберсе, о старом придворном учителе танцев Дюмоне.

Его слова, действительно, оживили старого князя.

– Дюмон! – воскликнул он. – Да разве он еще жив? Да, я хорошо его помню. Он ставил балеты у Шереметева, у Воронцова, он танцевал в Эрмитаже. Это был кумир наших дам. Что же он теперь, как он? – интересовался князь.

Левон рассказал.

– Бедняга, – сказал князь, – грустно ему, должно быть, доживать в печальном одиночестве свою некогда такую шумную, блестящую жизнь.

– Он хочет ехать умирать, как говорит он, во Францию, – сказал Левон.

– Это в сто лет! – засмеялся князь. – Ну, что ж, пожалуй, это немного поздно. Если бы он был помоложе, я понял бы его. Немало на моих глазах было французов, что, составив себе

состояние в России, ехали в свою Францию, – только не умирать. А умирать не все ли равно где, я не понимаю этой фантазии.

Левон в комических чертах изобразил старую Дарью, беседующую по – французски.

– Не удивительно, хотя смешно, – отозвался Евстафий Павлович. – У меня один поваренок замотался в Москве, когда там гостил Бонапарт. Все шесть недель пробыл. Так теперь все старается говорить по – французски. Я его увидел в Москве и спрашиваю: «Ну что, как поживаешь?» «А он осклабился и говорит: «Куси, Куси». Говорю, чем питался? – а он отвечает: «Суп о корбо, сое ра...»

Все засмеялись, только бледное лицо Ирины оставалось неподвижно и безучастно

Кое-как прошел обед. Евстафий Павлович попросил князя уделить ему несколько минут для разговора, посоветоваться кое о чем. Они вышли.

Левон с Ириной остались наедине.

Молодой князь подошел к Ирине.

– Скажите, – начал он, – почему вы, дорогая сестра, опять так холодны и враждебны? Если бы вы знали, как было мне тяжело в эти дни, как я хотел увидеть вас...

Ирина резко встала. Она еще больше побледнела.

– Оставьте меня, князь. Уйдите! Бог карает меня за... Мы встретились случайно, мы чужие люди. Чего хотите вы? – прерывающимся голосом сказала она.

Князь невольно отступил.

– Я ничего не хочу, княгиня, – ответил он, – я страдал эти дни за вас, я жаждал видеть вас, я сам измучился... Чем я могу объяснить эту странную перемену?... Разве я что-нибудь сделал? Разве я в чем-нибудь виноват перед вами? Скажите...

– О, вы хотите навлечь на меня Божье проклятье! – в страстном отчаянии воскликнула княгиня. – Нет! нет! Я не могу!.. Прощайте!

Она круто повернулась и почти выбежала из комнаты.

Князь остался один, ошеломленный, почти испуганный... И вдруг страшная мысль обожгла его.

Она сказала неправду. Между нею и пророком было больше, чем она говорила.

Он судорожно сжал зубы и чуть не застонал.

– Вздор, – сказал он себе через несколько мгновений. – Вздор! Что мне она?

Он подошел к столу и залпом выпил большой стакан крепкого вина.

– Завтра же еду.

Он прошел в свои комнаты и лег на постель. Мрачная апатия овладела им. Все вокруг и вся его жизнь казались ему бессмысленной.

Все эти пророки, масоны, какие-то мечты Новикова о какой-то свободе. Все это казалось ему лишенным смысла.

«Ну, хорошо, – думал он, – пусть рабы станут свободными, разве на смену этого не придет другое, что заставит их страдать? Вот я. Я свободен, богат, родовит и даже молод, а разве я счастлив? Быть может, сейчас есть рабы счастливее меня. Значит, есть что-то другое, что делает людей счастливыми? Но что? И где, у кого искать этого? Мы думаем, что, дав людям физическую свободу, мы сделаем их счастливыми. Но разве свободные люди не мечтают из стороны в сторону, не страдают, не ищут счастья? А где оно? В жизни первобытного человека, покорного только инстинктам жизни, в приближении к природе, в уничтожении всех предрассудков, как говорит Руссо? Но кто же вытравит из сердца его тончайшие ощущения, кто уничтожит те извилины мозга, где таятся беспокойные и жадные мысли, туманные образы, полусознанные мечты о чем-то далеком и близком, возможном и неосуществимом? Нет, есть только один исход, – упорно думал Левон, – это сжечь свою жизнь, наполнить ее внешними впечатлениями и потом умереть... Богатство дает эту возможность, а смерть – она, быть может, так близка...».

XXII

В комнату вошел Новиков.

– Ты спишь, Левон? – громко крикнул он. – Меня не хотели даже пускать к тебе. Да вели хоть огонь зажечь. Тут сам черт ногу сломит.

– Это ты, – искренно обрадовался Левон, – как я рад тебе. Сейчас. – Он вскочил с постели и позвонил. – Огня, – приказал он. – Я очень рад тебе, – продолжал он, пока зажигали канделябры. – Я хотел уже опять ехать к тебе.

Лакей, зажегши огонь, ушел.

– Я хочу ехать в армию завтра, – закончил Левон.

– А наше собрание? – удивленно спросил Новиков.

– Зачем? – упавшим голосом ответил Левон. – Мне ничего не надо, я ничего не хочу...

Мне надо только скорее уехать.

Новиков задумчиво взглянул на него и медленно произнес:

– Вот именно потому, что тебе ничего не надо и ты ничего не хочешь, ты должен ехать. Ты по крайней мере узнаешь, что надо и чего хотеть. Не поставишь же ты меня, кроме всего, в дурацкое положение перед Монтрозом и» нашими». Тебя ждут. Мы никого не держим насильно, и, приехавши, если хочешь, ты можешь отречься. Но ехать ты должен.

– Хорошо, – подумавши, сказал Левон, – я поеду. Но я в таком настроении, что не уверен, что последую за вами.

– Ты свободен, но я думаю, – ответил Новиков, – что твое настроение минутно.

Левон пожал плечами и стал собираться.

– Оденься в штатское, – сказал Новиков, – фрак и туфли, как на бал.

– Ты можешь отказаться сразу, после первого же вопроса, – говорил Новиков в карете. – Но я советую тебе подумать и не поддаваться этому настроению упадка. Я не знаю и не любопытствую знать, что ты переживаешь. Одно могу сказать тебе: между нами едва ли есть один, не испытывший личного горя. Но что значит личное горе перед океаном человеческих страданий! Вспомни слова шеваляе. Никто из нас не считает свое» я»центром мира.

Бахтеев слушал его, опустив голову. Быть может, Новиков и прав. Быть может, у них есть секрет, как позабыть личное горе и найти покой. Ну, что ж, попробуем.

– Я не отрекусь, – решительно произнес он.

– Я был в этом уверен, – промолвил спокойно Новиков.

Карета остановилась.

– А теперь, – сказал Данила Иваныч, – согласно нашим правилам, позволь завязать тебе глаза.

– Делай, что знаешь, – ответил Левон.

Новиков вынул из кармана тонкий шелковый платок и завязал им глаза князю.

– Давай руку.

Он помог князю выйти из кареты.

Путь показался князю очень долгим. Наконец он услышал стук молотка о металлический щит; тихий вопрос и тихий ответ; в волнении он не расслышал слов. Дверь отворилась, и он почувствовал, что очутился в теплом помещении. Новиков держал его за руку и вел, долго вел, словно по извилистым коридорам. Наконец они остановились.

– Садись, – произнес Новиков, подводя Левона к креслу. – Отдай мне все металлические вещи, – продолжал он.

– Часы, кошелек с золотом, вот все, – ответил Левон.

Новиков взял эти вещи.

– Сними чулок с правого колена, – продолжал он.

Бахтеев послушно исполнил приказание.

– Спусти с левой ноги туфлю и сними фрак и жилет.

Левон исполнил и это.

– Теперь жди, – сказал Новиков. – Как услышишь три удара молотком, можешь снять повязку с глаз. Сосредоточься. Ты в храмине размышления.

Новиков ушел.

Невольное чувство мистического любопытства овладело Левоном. Тайна дразнила его воображение. Он стоял на пороге чего-то неведомого, что, может быть, откроет ему новые пути и даст покой. Покой! Но разве возможен покой, когда его сердце стораает на медленном огне и перед ним неотступно стоит бледное прекрасное лицо!..

Три медленных, протяжных, унылых удара молотка в щит прервали его размышления, и он торопливо сорвал с глаз повязку.

Мрачная, обитая черным комната была ярко освещена стенными канделябрами и люстрой, спускавшейся с потолка.

На черных стенах виднелись крупные надписи серебром:

«Если тебя привлекло сюда пустое любопытство, то уходи».

«Если боишься, чтобы тебе указали твои заблуждения, то пребывание здесь не принесет тебе пользы».

«Если ценишь человеческие отличия, уходи отсюда; здесь их не знают».

Левон задумчиво читал эти надписи.

«Если все это правда, – думал он, – и таковы их действительные убеждения, то с ними стоит познакомиться».

Он старался владеть собой, между тем как жуткая тишина, царящая вокруг, черные стены комнаты с яркими надписями, вся таинственность обстановки невольно действовали на его воображение и располагали к сосредоточенности.

И опять те же вопросы жизни и духа невольно овладели Левоном. Ему вспомнилась его короткая жизнь... Для чего он жил? И для чего он будет жить? Он еще так молод. Тоскливое чувство ожидания овладело им. Он в волнении ходил по комнате, смешно прихрамывая в одной туфле, но он не замечал этого.

Протяжный металлический звук, уже знакомый ему, заставил его остановиться и настрожиться.

Дверь открылась.

С обнаженной шпагой в руке, в сопровождении неизвестного человека, вошел Новиков.

– Сядь, – коротко сказал Новиков.

Бахтеев сел. Неизвестный накинул ему на шею петлю, а Новиков снова завязал глаза.

– Идем, – сказал он.

Он взял князя за руку. Князь послушно последовал за ним.

Ему казалось, что они шли долго, очень долго, снова по каким-то извилистым коридорам.

Он услышал шум отворяемой двери и почувствовал, что в комнате находятся люди. Его напряженный слух уловил едва слышное движение.

– Какая цель привела тебя сюда? – услышал он строгий голос.

Он вздрогнул. Какая цель привела его? Это было очень сложное чувство, которое он затруднялся формулировать. После некоторого раздумья он твердо ответил:

– Познать смысл жизни.

Наступила глубокая тишина. Левону показалось, что он остался снова один. Но вот послышались шаги, неясный шепот, наконец чей-то громкий голос произнес:

– Великий мастер, что нам делать с посвященным?

На это послышался холодный ответ:

– Кинуть в подземелье!

К этому Левон не был готов. В подземелье! Быть может, на день, на два! Ему захотелось сорвать повязку с глаз и громко крикнуть:

– Я не хочу быть вашим пленником!

Отложить свой отъезд, не видеть Ирины!.. Зачем Новиков не предупредил его об этом!.. Но размышлять не было времени. Чьи-то сильные руки схватили его и высоко подняли.

– Бросайте, – послышался тот же холодный голос.

Руки, державшие его, опустились, и Левон упал, но тотчас был кем-то подхвачен. Сильно стукнула, захлопываясь, тяжелая дверь. Загрохотал железный засов, и Левон не знал, где он? Вокруг царил глубокая тишина. Но вот эту тишину нарушил тот же холодный голос:

– Стань на колени.

Левон послушно опустился на колени.

Раздались один за другим три медленных удара молотком в металлический щит.

Левон почувствовал прикосновение к губам холодного металла. Это ему поднесли чашу, и снова раздался тот же голос:

– Пей этот благотворный напиток и помни, что если сердце твое не чисто, если ты пришел к нам для измены и предательства, то этот напиток обратится в яд.

Другой голос, Левону показалось – голос Новикова, произнес:

– Скажи: «Клянусь строго и точно исполнять обязанности франкмасонства»...

Бахтеев повторил слова.

– Теперь отпей из кубка, – услышал он.

Он сделал глоток какого-то сладкого напитка.

– Повторяй за мной, – продолжал тот же голос: «Если же я нарушу мою клятву, пусть сладость этого напитка превратится в горечь и его благодать обратится в яд».

К его губам снова поднесли чашу, он хлебнул. Лицо его исказилось. Напиток был горек и отвратителен на вкус.

– Что значит изменение в чертах твоего лица? – раздался голос великого мастера. – В твоем сердце таится измена, или ты раскаиваешься в своем желании вступить в наше братство, или сладкий напиток обратился в горечь? Тогда удались.

– Да, – ответил Левон, – сладкий напиток обратился в горечь. Но я не уйду. Я хочу принадлежать к вашему братству.

Им овладело сильное волнение и досада на Новикова, не предупредившего его обо всех этих обрядах. Он боялся не так ответить, не так поступить, как надо. Но только одно он твердо решил: вступить в братство, какими бы трудностями ни было обставлено это вступление. Его апатия исчезла. Тайна, окружавшая его, пробудила его душу.

Его взяли за руки и снова повели среди каких-то колонн.

– Введите его на лестницу, – послышался голос великого мастера.

Левона повели на лестницу. Шаг за шагом он отсчитал сто ступеней.

Люди, поддерживавшие его, отошли. Он почувствовал, что стоит на площадке.

– Бросься вниз, – услышал он голос великого мастера.

Не давая себе времени размышлять, князь сделал прыжок и тотчас был кем-то подхвачен. В то же мгновение раздался сильный шум, звон металла, стук молотков и топот ног и громкие возгласы присутствующих.

– Да прольется кровь твоя, если ты изменишь, – снова послышался резкий голос.

И Левон почувствовал укол в руку. Кто-то взял его за уколотую руку. Боль была незначительна, но он слышал, как часто – часто закапали, с мягким звуком, капли на пол.

«Однако, – подумал Левон, – я могу так потерять много крови».

Тяжелые капли, быстро, одна за другой, падали на пол. Левону казалось, что он начинает слабеть и голова его кружится.

– Довольно, – раздался повелительный голос.

К руке Левона приложили кусок полотна, пропитанного чем-то охлаждающим и ароматичным, и шум падающих капель прекратился.

Кто-то ослабил повязку на его глазах, и он почувствовал яркий свет.

Снова раздался голос великого мастера:

– Брат старший надзиратель, находишь ли ты его достойным войти в наше общество?

– Нахожу, – послышался ответ.

– Чего ты требуешь для него?

– Света!

– Fiat lux! – торжественно провозгласил великий мастер и трижды ударил молотком по бронзовому щиту.

С последним ударом с глаз Левона сняли повязку. Он сразу зажмурился от яркого света. Но через несколько мгновений открыл глаза и с любопытством оглянулся вокруг.

XXIII

Он находился в большой квадратной зале со сводчатым потолком, с двумя рядами колонн. Зала была ярко освещена многочисленными свечами. На выкрашенном голубой краской потолке ярко горели золотые звезды, солнце и луна.

С удивлением увидел он на полу у своих ног, куда, ему казалось, падала его кровь, лишь лужицу воды. Он взглянул на свою руку. На ней виднелся едва заметный укол. Он оглянулся вокруг, ища ту лестницу, по которой он взбирался на сто ступеней, и увидел в углу залы лестницу, странно уходящую в отверстие в полу и возвышающуюся над полом на три ступени.

«Вот оно что, – подумал он, – надо об этих фокусах спросить Новикова».

Вокруг Левона с обнаженными шпагами в руках стояли «братья», странно одетые в передниках из шкуры ягненка.

Когда он взглянул на них, они опустили шпаги и раздвинулись. Он увидел в глубине залы возвышение, на котором на троне сидел великий мастер; он узнал в нем шевалье Монтроза. Над троном был балдахин небесно – голубого цвета, усеянный звездами и завершенный блестящим треугольником с таинственным начертанием священного имени Адонаи.

На великом мастере была надета шляпа с черными перьями и большой черной кокардой. Длинная, темная мантия, как царственная порфира, закрывала его фигуру. На его шее на широкой ленте был маленький наугольник и циркуль. Перед великим мастером стоял столик, и на нем лежала книга. Посередине залы высился алтарь, к которому вели четыре ступени. У входной двери в восточной стороне комнаты стояли два бронзовых столба с капителями, увенчанные изображением яблок и на лицевой стороне буквами И и Б (Иахун и Боаз)¹. Возле столбов, у небольших треугольных столиков, стояли два «брата – надзирателя».

«Где я? У кого?» – промелькнуло в голове Левона.

Но не успел он хорошо оглядеться, как его взял за руку Новиков и подвел к алтарю. На алтаре лежала Библия и горели три канделябра с восковыми свечами.

– Стань на колени, – коротко произнес Новиков.

Левон опустился на колени.

Великий мастер, с обнаженной шпагой в руке, сошел со своего возвышения и, приблизившись к нему, торжественно произнес:

– Во имя Великого Строителя вселенной и в силу данной мне власти, я посвящаю тебя в ученики и члены великой директориальной ложи Владимира к порядку.

Он три раза ударил молотком по лезвию шпаги и, нагнувшись, поднял Левона с колен.

Один из братьев тотчас надел на Левона такой же, как на других, передник из ягнячьей шкуры, а другой поднес ему две пары белых перчаток.

– В знак чистоты носи эти перчатки, – произнес Монтроз, – а другую пару отдай той женщине, которую ты чтешь, чьи руки не преступны и сердце чисто.

Левон вспыхнул.

«Ирина!» – хотелось ему крикнуть. После всех этих обрядностей Монтроз дружески пожал ему руку и сказал:

– Ну вот, теперь вы наш.

Новиков обнял его и познакомил с присутствовавшими.

Часть братьев была уже знакома Бахтееву. Он с удивлением узнал семеновца Дателя, преобразенца Раховского, с которыми встречался в обществе, и многих других светских знакомых, в ком привык видеть только веселящуюся, легкомысленную гвардейскую молодежь. Он никак не подозревал, что они тоже проникнуты теми же идеями, как и Новиков. Было в собра-

¹ Исправление и крепость.

нии и несколько очень почтенных стариков, тоже до некоторой степени известных Бахтееву, как, например, сенатор Бахмутьев или граф Телешев.

Кто был хозяином дома, Бахтеев не знал. И когда Новиков обратился ко всем с приглашением на ужин, он спросил его:

– Да кто же здесь хозяин?

Новиков указал ему на маленького скромного старичка, стоявшего в стороне.

– Вот хозяин, Порфирий Егорыч Остроухов.

– Как! – произнес Левон, – этот богач, купец.

– Именно, – ответил Новиков. – На него косилась императрица Екатерина, считая его мартинистом. Потемкин так и остался ему должен полмиллиона. Только его заступничеству он обязан тем, что не сидел в Шлюшине или не занимался ловлей соболей в Сибири. Он был масоном еще в великой национальной ложе князя Гагарина в семидесятых годах. Этот старик многое знает. Павел любил его, а потому он и теперь в чести и имеет доступ во дворец. Да я познакомлю тебя с ним. – Он подвел Левона к Остроухову. – Порфирий Егорыч, – сказал он, – познакомьтесь с нашим новым учеником.

Порфирий Егорыч поднял мутные сонные глаза на князя и, протянув ему руку, отрывисто спросил:

– Фамилия?

– Бахтеев, – ответил Левон.

– Не родственник ли князь Никиты? – спросил старик, глядя на Новикова.

– Его родной племянник, – ответил Новиков.

– Так ты не в дядю пошел, – сказал старик, – тот ни в Бога, ни в черта не верит. Однако, – засуетился он, – что ж вы стоите, гости дорогие... А ужин-то... Зови, Данила Иваныч.

Новиков с улыбкой отошел.

В соседней комнате масоны нашли свою обычную одежду. Переодевшись, все поднялись наверх по узкой лестнице, потом прошли анфиладой полуосвещенных сумрачных комнат и наконец очутились в ярко освещенной великолепной столовой. В многочисленных золотых люстрах и канделябрах горели восковые свечи. На столе сверкала золотая и серебряная посуда, горел цветными огнями драгоценный хрусталь.

За стульями стояли лакеи в красных фраках и туфлях, в белых чулках.

«Ого, – подумал Бахтеев, – этот купчина умеет принять».

Словно угадав его мысли, Новиков, севший с ним рядом, шепнул ему:

– Что, брат, удивлен? Да, мы умеем принимать гостей. Принимали и Потемкина, и Зубова, и самого Павла Петровича.

– Я вообще очень удивлен всем сегодняшним днем, – задумчиво произнес Левон. – К чему эти странные обряды? И зачем ты не предупредил меня о них? Признаюсь, минутами я чувствовал себя в странном положении. И потом этот Остроухов и этот царский ужин?

– Наши обряды, – ответил Новиков, – имеют за собой не одну сотню лет. Каждое слово, каждое изображение имеет глубокий смысл. Некоторые наши обряды берут свое начало от Хирама, великого строителя храма Соломонова. Это великие символы – и мы должны уважать их. Но, помимо этих мистических тайн, этих древних символов, у нас есть и живая, деятельная жизнь, исполненная мыслью об общем благе. И ради этой деятельности – здесь и я, и Датель, и Раховский, и масса других, и ты... Теперь ты наш и узнаешь, сколько сделано нами и сколько подготовлено для будущего. Мы молоды, мы энергичны, мы верим в свои идеи, и будущее принадлежит нам...

– А теперь, – вмешался в разговор Датель, – в нашей будничной жизни, в армии, в казармах, в наших поместьях мы шаг за шагом должны проводить высокие идеи уважения к человечеству... Посмотрите, князь Руцкий зорко следит, чтобы его крестьяне не подвергались излиш-

ним тяготам, ссылке и произволу управляющих, у Раховского в роте почти не бывает телесных наказаний, у меня тоже... и мы не одни... От ротных и эскадронных командиров до полковых в некоторых частях почти все против телесных наказаний. Я имею точные сведения, что император сам среди своих теперешних трудов и забот высказывал мысли об уничтожении рабства... Он говорил об этом и со Штейном... Он выразил надежду, что он не умрет, не увидя народ свободным. Я убежден, – продолжал с волнением Датель, – что к нам вернется Сперанский – жертва интриг наших феодалов. Сперанский наш друг, и он был нашим другом с ведома императора, когда четыре года тому назад наш гроссмейстер Фесслер ввел его в масонскую ложу. Мы крепнем и растем... Новиков вам еще много скажет о ваших обязанностях, о круге нашей деятельности. Теперь мы идем все в поход. Благодаря личному доверию шеваляе Монтроза вы приняты в сообщество без предварительных посвящений и испытаний. Вам еще многое предстоит узнать... Но нам известно, что наши идеи близки вам.

– Вы правы, – ответил Левон, – я ваш душою. Быть может, и моя жизнь не будет бесплодна...

Датель пожал его руку.

Разговоры становились громче.

Порфирий Егорыч приказал лакеям удалиться, оставив на столе вино и фрукты...

В чаду общих разговоров время летело незаметно.

Лев Кириллович был захвачен общим одушевлением и забылся от своих неотступных мыслей...

XXIV

Весеннее утро вставало над столицей, когда он возвратился к себе домой.

Он чувствовал большую потребность разобраться в своих мыслях и чувствах. Новые впечатления совершенно захватили его. После отчаянной борьбы двенадцатого года, раненный, из глуши своей вотчины он вдруг очутился в столице, в самом водовороте общественных течений, новых мыслей и чувств. Кроме того, неожиданное увлечение, как смерч, закружило его... Пророки, масоны, Ирина, предстоящий поход – все сплелось почти в кошмар. Как брошенный в океан с разбитого корабля пловец, уцепившийся за обломок снасти глухой ночью, он чувствовал себя потерянным в душном, грозовом мраке... И как слабый огонек на далеком берегу светилась робкая надежда – найти наконец твердую почву...

Едва он вошел в свою комнату, как послышался стук в дверь, резкий и нетерпеливый.

– Войдите! – крикнул он.

К его великому удивлению, на пороге показался старый князь.

– Я не помешаю тебе, Левон? – спросил он.

– Что за вопрос, дядя! – воскликнул Левон. – Но как же вы не спите до сих пор? Разве княгине плохо? – с тревогой закончил он, и сердце его сжалось при взгляде на старого князя.

Никита Арсеньевич был в обычном халате, с открытой шеей, в мягких туфлях. Его осунувшееся лицо, нахмуренные брови, ввалившиеся глаза носили отпечаток страданий.

– Садитесь, дядя, – взволнованно сказал Левон, – вы сами, кажется, нездоровы. А что княгиня? – повторил он.

– Irene, слава Богу, физически здорова, – произнес князь, тяжело опускаясь в кресло. – Да и я, кажется, здоров. Но все же, – продолжал он, – я хотел именно поговорить о ней.

Левон отвернулся. Он почувствовал, что бледнеет. Ужели князь прочел в его душе его тайну? Левон почувствовал, что на прямой вопрос он не сможет солгать.

Тяжелое чувство длилось несколько секунд...

Но князь спокойно спросил:

– А ты откуда сейчас?

Одно мгновение Левону хотелось все рассказать старику, поделиться с ним своими впечатлениями, порасспросить кое о чем, но он вспомнил о тайне, окружающей их сообщество, и ответил:

– От Новикова. В пятницу мы уезжаем...

– А – а! Ну, что ж! Мне жаль, что ты едешь, но если это неизбежно – поезжай, – сказал старик. Он помолчал и снова начал: – Ты, наверное, сам заметил, как изменилась Ирина после этой истории?

Все ревнивые подозрения разом воскресли в душе Левона.

– Да, – угрюмо сказал он, – я заметил. Княгиня испытала слишком сильное потрясение...

– Она неузнаваема, – упавшим голосом произнес князь. – Я много жил и много видел. Я чувствую, что что-то тяготит ее душу... Она молода, сильна, горда... Эта история, тем более кончившаяся дурацкой комедией с разоблаченным святым, не могла бы сломить ее. Тут есть что-то другое. Если бы я не знал Ирины, я мог бы подумать, что какое-то новое сильное чувство овладело ею... – Голос старого князя звучал сдержанно и скорбно. – А если так... если это так... Какой, однако, вздор, – продолжал он, проводя рукой по широкому лбу. – В ней просто слишком много мистицизма... Я стар... Да, я чувствую это. Я все изжил, все пережил...

Левон молчал.

Кажется, попытка была бы ему легче этого разговора.

Молчание длилось довольно долго.

– Может быть, – прервал молчание князь, – надо развлечь ее? Теперь везде празднества... Мы торжествуем славу русского оружия... Не устроить ли и мне праздник? А? Тем более ты уезжаешь. Это был бы прощальный вечер... Ты пригласил бы своих товарищей, кого знаешь... Это могло бы развлечь ее...

Левон оживился. У него появилась полусознанная тайная мечта поговорить с ней опять, как тогда... Это так удобно на большом вечере...

– Конечно, дядя, это развлечет княгиню...

– А и то правда, – тоже оживился князь, – живем, словно затворники. Только эти дневные приемы... Тоска. А потом, – все больше оживляясь, продолжал он, – поедем за границу. В Карлсбад. Отчего нет? Туда собираются великие княгини Екатерина Павловна и Мария Павловна, едет Витгенштейн, Остерман, будут Волконские, Анна Степановна Протасова и еще много, много... Пожалуй, и с тобой там встретимся, – уже совсем весело закончил князь.

Эта мысль прямо привела в восторг Левона.

– О, это очень хорошо, – живо отозвался он...

– Да, – с усмешкой отозвался Никита Арсеньевич, – хорошо, если только нас пустят туда... – Это решение, видимо, успокоило старого князя. – Ну, ладно, – сказал он, вставая. – Значит, сперва пируем, а потом – что Бог даст... Доброй ночи.

Он вышел.

Левон чувствовал, что вокруг него сплетается словно какая-то сеть. Неведомая сила толкает его к тому, от чего он хотел бежать. День за днем, час за часом, шаг за шагом он приближается к какому-то роковому моменту, и нет силы разорвать крепко сплетенную паутину судьбы. Разве он не хотел бежать? Случайная встреча с Монтрозом задержала его. Теперь опять задержка. Быть может, ему следовало сказать князю, что не нужно никакого празднества, что нужен его отъезд. Ведь он знал, что мог уехать завтра же вечером, и солгал, что едет в пятницу, чтобы лишний раз увидеть Ирину, чтобы сказать ей (он теперь сознавал это в глубине души) то слово, которое жгло его губы... Бежать? Но разве можно бежать от судьбы? Разве он, если будет жив, не прилетит к ней в Карлсбад? Нет, не уйти от судьбы!

XXV

Давно Петербург не видел такого блестящего съезда. Высшие сановники, представители аристократии и военного мира откликнулись на приглашение старого екатерининского вельможи. Князь Никита пользовался большим престижем как в силу своего древнего имени и богатства, так и всем известной близости ко двору.

Непрерывной вереницей подъезжали экипажи к ярко освещенному дворцу. И казалось, им не будет конца.

Любопытный народ теснился на набережной, любясь иллюминацией дома, на фронте которого горел двуглавый орел и под ним соединенный вензель» А. и Е.».

Князь не ошибся, рассчитывая, что этот блестящий прием оживит Ирину. Он уже давно не видел своей молодой жены в таком оживленно приподнятом настроении, и при каждом взгляде на нее его сердце наполнялось гордостью. Он слышал шепот восторга среди гостей. И действительно, Ирина была сегодня ослепительно хороша, в белом платье, с открытой шеей и руками. На черных локонах горела княжеская корона. На шее белела нитка жемчугов с бриллиантовой подвеской. Ирина немного побледнела, отчего ее глаза казались больше. Легкий нервный румянец играл на ее смуглых щеках...

Даже канцлер граф Румянцев, целуя ее руку, с восторгом сказал:

– Вы божественны, княгиня.

Левон не сводил с нее ревнивых глаз. Но она словно избегала его и ни разу не взглянула на него.

Просторные гостиные наполнялись.

Было известно, что только траур по принцу Ольденбургскому помешал приезду высоких гостей...

Ирина была окружена целой толпой молодых красавиц, среди которых была и княгиня Пронская, с которой она встретилась в последний раз на собрании у» пророка». Но Пронская не сделала на это ни намек. И среди этих красавиц царила Ирина, и как будто все безмолвно признавали ее первенство.

Но вот в толпе, ее окружающей, послышался шепот, гости расступились, давая дорогу старому князю, сопровождавшему молодую красавицу.

Левон был поражен ее красотой.

– Кто это? – в изумлении спросил он стоявшего рядом с ним какого-то старика со звездой на фраке.

Тот удивленно поднял брови.

– Как! Вы не знаете? – воскликнул он. – Да ведь это Марья Антоновна Нарышкина, жена Дмитрия Львовича.

И старый сенатор сделал быстрое движение навстречу новой гостье.

Левон, конечно, слышал об этой женщине удивительной красоты... Так вот какова она, это» невенчанная императрица», мать дочери императора. Одна из красивейших женщин в Европе, соперница королевы Луизы, «прусской Мадонны». Да, она нечеловечески хороша. Он невольно перевел глаза на Ирину.

Казалось, среди присутствовавших тоже возникла подобная мысль...

Кто прекраснее?

Но обе они были так совершенны в своей красоте и так не похожи одна на другую, что их нельзя было сравнивать.

Энергичная страстная красота Ирины и нежная мечтательная красота Нарышкиной. Ее темно – голубые глаза были полны тихого света. К темно – русым локонам роскошных волос так шли голубые бирюзовые васильки с бриллиантовыми каплями росы.

С ласковой, почти радостной улыбкой Нарышкина отвечала на приветствия знакомых. Но, однако, всем было хорошо известно, что под этой кроткой ангелоподобной наружностью бывшей княжны Четвертинской скрывалась мятежная и страстная, честолюбивая душа, не женский характер и твердая воля, не отступающая ни перед чем.

– Как рада я, дорогая княгиня, – начала Нарышкина, протягивая обе руки, – что мне удалось сегодня побывать у вас.

– Благодарю вас, Марья Антоновна, – ответила Ирина, – это большое счастье для меня. Они поцеловались.

При внимательном наблюдении можно было заметить, что в то время, как Ирина просто и радушно приветствовала свою гостью, Нарышкина окинула ее с ног до головы мгновенным ревнивым взором и в ее тоне слышалось некоторое принуждение.

Ее годы проходили, а Ирина так еще молода. Она не могла не видеть, что ее красота не затмит Ирины. До сих пор она встретила только одну соперницу своей красоте... Это было давно, пять лет тому назад, когда «прусская Мадонна» приезжала в Петербург... И «прусская Мадонна» была побеждена... Ее нет уже теперь... этой побежденной, но страшной соперницы... Ее уже нет... Она ушла, она ушла туда, откуда никто не возвращается...

Но эта ослепительная красавица еще так молода и еще долго будет молода... Почему знать?

Но никто не мог прочесть мыслей и ревнивых опасений, промелькнувших в этой глубокой душе.

Нарышкина весело и непринужденно беседовала, осыпая Ирину любезностями.

Но среди присутствовавших нашелся один, который если и не прочел тайных мыслей Нарышкиной, то думал о том же..

Это был молодой аббат Дегранж, хорошо известный в высших кругах столицы, непременный член салонов, вроде княгини Напраксиной, где занимались религиозными вопросами. Красивый и вкрадчивый, с сухим лицом и блестящими черными глазами, он имел большой успех у дам, умея легко успокаивать их совесть в маленьких грехах и открывать им пути к вечному спасению. Он имел непосредственные связи с «двором» короля Людовика XVIII, как именовал себя принц Прованский, уже вступивший, судя по его воззваниям, в восемнадцатый год своего царствования. Он считал себя королем Франции с 1795 года – года смерти несчастного дофина, или, иначе, Людовика XVII.

Дегранж был другом и всех эмигрантов, геройствовавших при русском дворе, горевших жаждой пасть на поле брани за чистоту и славу бурбонских лилий и мирно проживавших в России за счет щедрот русских монархов.

Дегранж уже давно следил своими блестящими глазами за этими двумя красавицами.

– Какая удивительная женщина эта княгиня Бахтеева, – проговорил он, обращаясь к своему соседу, старому эмигранту маркизу д'Арвильи.

– Да, она удивительно красива, – ответил маркиз.

– И, кроме того, какая душа, – тихо произнес аббат. – Страстное религиозное чувство, близкое к мистицизму, энергия и, я уверен, – добавил он, – она честолюбива. Да, несомненно, она честолюбива, – повторил он.

Его взгляд перенесся на Нарышкину.

Маркиз уловил этот взгляд и с легкой иронией сказал:

– Между тем как другая, несмотря на свою идеальную красоту, больше принадлежит земле, чем небу... Ей чужды высшие запросы духа...

Аббат кинул на д'Арвильи быстрый взгляд и ответил:

– Быть может. Насколько я вижу, в русском обществе сильно развито искание истинной веры... Оно не удовлетворено и алчет духовной пищи...

– Подкормите его, дорогой аббат, – насмешливо произнес д'Арвильи, – у вас, наверное, остались значительные запасы. Франция, кажется, уже сыта.

– Родник Божий неистощим, – серьезно ответил аббат, делая вид, что не замечает насмешки. – Мы видим только один путь спасенья. А скажите, маркиз, – резко переменял он разговор, – как здоровье вашего сына? Пишет ли он вам?

По бледному лицу д'Арвильи скользнула тень страдания. Его сын, единственный наследник гордого имени д'Арвильи, уже десять лет как стал под знамена Наполеона. Это был тяжелый удар для старика. «Я пойду по пути славы, указанной Бонапартом, – сказал при расставании сын. – Я – француз и мое место под знаменами Франции, а не в передних ее врагов».

Эти слова до сих пор жгли сердце маркиза. И хотя он не прерывал отношений с сыном, эта рана горела.

Аббат верно рассчитал удар. На одно мгновение погасшие глаза д'Арвильи вспыхнули, но он овладел собою и спокойно ответил:

– Для моего мальчика близится час расплаты за безумное увлечение мишурной славой. . . .
Близко время победы правды над ложью.

– Я не сомневаюсь в этом, – сухо ответил аббат, отходя от старого эмигранта и направляясь к группе, окружавшей Нарышкину и княгиню Бахтееву.

XXVI

Старый князь занялся наиболее почетными гостями, такими как канцлер граф Николай Петрович Румянцев, тесть князя сенатор Буйносов, главнокомандующий Петербурга Сергей Кузьмич Вязмитинов, управляющий военным министерством князь Горчаков и другие. Граф Николай Петрович, впрочем, недолго пробыл на вечере. Его вообще стесняла его глухота, и, кроме того, он действительно был завален делами и ежечасно ожидал от Аракчеева какого-либо экстренного распоряжения. Он вскоре уехал, а для Горчакова, Вязмитинова и Буйносова князь устроил карты.

По случаю траура при дворе официально балов с танцами в придворных кругах не давалось, устраивались просто вечера, но на них молодежь всегда танцевала. Так и теперь, хотя князь и звал не на бал, а на простой вечер, тем не менее дамы приехали одетые, как на бал.

На хорах большой белой залы музыканты уже настраивали свои инструменты, а молодые люди спешили приглашать дам.

Не прошло и получаса, как в зале закружились многочисленные пары.

Левон так отвык от подобного зрелища и так танцы не вязались ни с его настроением, ни с его мыслями, что вид танцующих людей казался ему дик и странен. Его сердце сжималось от неопределенной боли, словно от обиды. Он стоял у колонны, скрестив руки, и мысль его невольно переносилась к ужасным картинам недавнего прошлого, к кровавым полям битв, к пылающей России, к нищете и запустению, виденным им теперь, и потом обращалась к близкому будущему. К этим мрачным мыслям примешивалась и ревнивая тоска... Нарышкина и Ирина соперничали в первенстве. Они не имели почти ни минуты отдыха, переходя из объятий в объятия.

– А что же ты не танцуешь? – услышал он за собой голос дяди.

Он быстро обернулся.

– Я отвык, дядя, – с улыбкой ответил он.

– Рано, – рассмеялся старый князь. – Если бы это был настоящий бал, я бы сам тряхнул стариной. Но я рад, – продолжал он, – что устроил вечер. Смотри, как оживлена Ирина. Да, – задумчиво закончил он, – какая великая сила – молодость...

Он грустно вздохнул.

В эту минуту его заметила Ирина и, пользуясь минутой свободы, проскользнула к нему. Он ласково улыбнулся ей.

– Что, устала?

– Очень, – ответила она, – я бы хотела отдохнуть незаметно...

– Так Левон проводит тебя в твою гостиную, там, наверное, никто не потревожит тебя.

Видишь, как все заняты, – сказал Никита Арсеньевич.

– Но я не хочу лишать князя удовольствия, – холодно сказала княгиня.

– Я не танцую и сам рад бы уйти от шума, – поспешно отозвался Левон.

– Ну, вот и отлично, – произнес старый князь, – а я пойду к старикам.

Левон подал руку княгине.

Действительно, в маленькой гостиной Ирины было пусто. Это не была одна из парадных комнат, открытых для гостей. Но все же гостиная, куда Ирина приглашала дам отдыхать, была убрана по – праздничному и походила на маленький сад.

Княгиня устало опустилась на низенький диванчик. На ее лице не осталось ни признака недавнего оживления. Щеки побледнели, глаза угасли. Она рассеянно играла точеным веером из слоновой кости, украшенным редкими кружевами.

– Я, может быть, лишний, – начал Левон, не садясь. – Но все же я рад случаю видеть вас наедине.

Княгиня молчала.

– Быть может, это наше последнее свидание в жизни, – дрожащим голосом продолжал он. – Я завтра уезжаю. На войне жизнь и смерть – дело случая. Кто знает, вернусь ли я.

Она нервно закрыла тонкий веер и молчала.

На энергичном лице Левона отразилось страдание.

– Вы молчите – пусть так, – продолжал он, – я много страдал в последние дни... после этого... И вы не откажете мне в утешении, которое ничего не стоит для вас и бесконечно дорого для меня...

Его голос прерывался.

– Что я могу сделать для вас? – с усилием произнесла она. – У нищего не просят хлеба.

– О, только слово, одно только слово, – воскликнул Левон, – и вы снимете с души моей тяжелое бремя... мучительных сомнений... Вы дадите мне последнее счастье унести в душе ваш образ чистым и незапятнанным...

Она напряженно смотрела на него.

– Я не понимаю вас, – глухо сказала она, – чего вы хотите от меня и какое мне дело до того, каким вы унесете мой образ, как выразились вы?..

– О, не говорите, не говорите так, – умоляющим голосом начал Левон, – это мое последнее, мое единственное счастье... После недолгих минут доверия вы изменились, вы опять смотрите на меня, как на врага... Что с вами? И что сделал я? Вы не хотите говорить со мной, вас не узнать... Скажите же мне, Ирина, моя дорогая сестра, как в счастливые минуты вы позволили мне называть вас, – скажите... Я все перенесу... Скажите, вы все тогда сказали? – почти шепотом произнес он, низко наклоняясь к ее лицу. – Вы ничего не утаили?.. Быть может, я должен убить вашего пророка? – дрожащим голосом, с искаженным от муки и ярости лицом закончил он.

Несколько мгновений она смотрела на него удивленно расширенными глазами и вдруг, мгновенно вспыхнув, вскочила и выпрямилась во весь рост. Тонкий веер хрустнул в ее руках, и его жалкие обломки упали на мягкий ковер.

Левон невольно отшатнулся.

– И вы смели, и вы могли подумать, – задыхающимся голосом начала она. – О Боже! Вы решились подумать, что я!.. Да разве я, я, – сжимая с силой на груди руки, продолжала она, – разве я могла бы это пережить? Разве я могла бы после этого взглянуть в чужие глаза, на небо, на солнце и живой встретить зарю той ночи? Да говорите же! – она топнула ногой. – Как смели вы!..

Она вдруг стихла, закрыла лицо руками и со стоном и рыданием опустилась на диван...

Левон, ошеломленный, молчал. Но потом, мало – помалу, чувство неизмеримой радости наполнило его душу.

– Ирина, – воскликнул он, бросаясь к ней.

Она быстро встала. Лицо ее было бледно, глаза сухи, губы плотно сжаты.

– Уйдите прочь, – резко сказала она, – это Божье проклятие! Оставьте меня! Уезжайте! Живите или умирайте! Наслаждайтесь жизнью или страдайте! Вы мне чужой!

И, подобрав длинный шлейф своего платья, она твердой походкой направилась к двери, не оборачиваясь.

– Ирина! – крикнул Левон, и в этом крике было столько безнадежности, столько отчаяния, как будто погибающий брат звал на помощь.

Ирина остановилась, обернулась.

Она сама испугалась выражения лица Левона.

– Ирина, – продолжал он, не двигаясь с места, – вы уйдете сейчас, и этот порог будет для меня порогом вечности. Не торопитесь произносить мой приговор.

Его голос стал странно спокоен, и было что-то страшное в этом спокойствии.

– Но если вы все же уйдете, то выслушайте последнее слово осужденного. Кто может осуждать меня за мои муки, за мои сомнения? – продолжал он, снова одушевляясь. – Разве преступно чувство человека?

Она сделала невольно шаг к Левону.

– Так выслушайте же меня, – страстным шепотом говорил он. – Разве преступление ничего не хотеть для себя и отдать свою жизнь другому? Разве преступление перед лицом смерти сказать любимому человеку: «Я люблю, люблю тебя!» Не искушать, не соблазнять пришел я тебя, а только сказать, что я тебя бесконечно люблю, что ты моя единственная вера, единый Бог, единое счастье! Что ты далека, как солнце, что я не ищу тебя и что одно мое желание, чтобы ты узнала, что было сердце, только тобою полное, только тебе отданное!.. О, Ирина, – страстным стоном вырвалось у него, – разве это преступление? Пусть приговор произнесет Бог, но я люблю, люблю... – И он протянул руки. – Только сказать – и умереть!..

Ирина была уже около него. Она вся дрожала.

– Умереть? Нет, нет, я не хочу этого, Левон! Только сказать, только сказать... – замирающим голосом произнесла она, горячими сухими руками беря руки Левона.

– А, – прошептал Левон, – прости... Я счастлив... – Он тихо привлек ее к себе... – Теперь прощай...

– Прощай...

Чудный вихрь захватил Левона, и он прижался губами к ее губам.

Но это было одно мгновение. Она с силой вырвалась из его объятий.

– О, не надо! Не надо! – почти с ужасом прошептала она. – Мы безумны!

Левон, тяжело дыша, сделал шаг назад.

– Ты права, уйди, – упавшим голосом сказал он.

С невыразимой нежностью княгиня взглянула на него.

– Прощай, прощай навсегда! – тихо сказала она. – Мне осталось только молиться, – и с подавленным рыданием она выбежала из комнаты...

Закрыв лицо руками, Левон в отчаянии опустился на диван.

«Ну, вот, – говорил он себе, – последнее слово сказано. А дальше?»

Он долго сидел, словно застыв и душой и телом...

Когда он вышел, танцы уже кончились и гости собирались к ужину.

Он взглянул на Ирину. Ее лицо прямо сияло. Она казалась счастливой и радостной.

Ужин прошел для Левона, как сон. Он много пил, отвечал на какие-то здравицы. Пили за его здоровье, за здоровье его товарищей, уезжавших с ним вместе в армию, за армию и победы... Музыка на хорах играла... Веселые голоса сливались в общий гул.

Уже всходило солнце, когда из гостеприимного бахтеевского дворца уехали последние гости...

– Видишь, как все хорошо вышло, – весело сказал старый князь.

– Очень хорошо, дядя, – ответил, смотря в сторону, Левон, – а теперь мы попросаемся.

– Как? Когда же ты едешь? – спросил Никита Арсеньевич.

– Через час или два, – ответил Левон. – Мы так сговорились с Новиковым.

– А как же Ирина? – спросил князь. – Она будет обижена, что ты не простился с ней.

– Мы простились сегодня, – ответил Левон, – княгиня знает, что я еду рано утром.

– А – а, – произнес князь.

– Прощайте, дядя, – сказал Левон.

– Прощай, мой мальчик, – растроганным голосом промолвил князь, – храни тебя Бог. Но не прощай, а до свидания. Быть может, увидимся летом за границей. Пиши, если что надо, в деньгах не стесняйся.

Князь крепко обнял Левона и расцеловал. Он даже не хотел ложиться спать, желая проводить племянника, но Левон настоял, чтобы князь пошел отдыхать.

– Мне будет легче, дядя, уехать одному. Долгие проводы – лишние слезы. Благодарю вас за все.

– Ну, как знаешь, – ответил князь. Он еще раз обнял племянника и ушел.

Левону действительно было легче не видеть князя... Вчера Новиков сказал ему, что готов ехать в любой час и только ждет его.

– Ну, вот я и разбужу беднягу, – невольно усмехаясь, подумал Левон.

Он заготовил рапорт в военное министерство, приказав отвезти его сегодня, велел собрать свой походный багаж и через час уже выехал из этого дома, где так много пережил за немного дней.

Было чудесное весеннее утро, когда Левон и Новиков выехали за заставу. Новиков зевал и хмурился. Бахтеев, наоборот, был нервно оживлен и без умолку говорил.

Недалеко отъехав от заставы, они увидели впереди роскошную карету с княжескими гербами.

– Кто бы это мог быть? – произнес Новиков.

– Посмотрим, ну-ка обгони, – крикнул Левон кучеру.

До первой станции они ехали на княжеской тройке.

Их коляска быстро обогнала карету, и друзья успели разглядеть в окне бледное лицо «пророка» и княгиню Напраксину в темной шали.

– Кто кого похищает? – засмеялся Новиков.

Но Бахтеев нахмурился. Эта встреча показалась ему дурным предзнаменованием и пробудила в его душе много тяжелых воспоминаний...

«Скорей, скорей вперед! – с тоскою думал он, – туда, в неведомую даль, к неведомой судьбе».

– Гони вовсю! – громко крикнул он.

Ямщик привстал, гикнул, чистокровные кони рванулись, сильнее зазвенели колокольцы, и тройка понеслась, взметая за собой клубы пыли...

Часть вторая

I

Только что загоралась весенняя розовая заря над маленьким силезским городком Бунцлау, утопавшим в садах, едва покрытых молодой листвой.

В глубине просторного сада на крыльце небольшого двухэтажного дома показалась совсем юная девушка. Ей могло быть лет шестнадцать – семнадцать. Великолепные золотистые волосы ее, заплетенные в две тяжелые косы, падали ниже пояса. Темные голубые глаза, окаймленные черными ресницами и бровями, смотрели открыто и весело. Но в очертании ее полудетского рта и твердого подбородка виднелись энергия и решимость.

Огромная лохматая собака неопределенной породы с радостным лаем бросилась к молодой девушке.

– Тсс! тише, Рыцарь! – лаская собаку, произнесла девушка. – Тише, так ты разбудишь наших гостей.

Собака словно поняла слова своей хозяйки и замолчала, ласково виляя хвостом.

Девушка легко сбежала с крыльца, пробежала по саду к забору и, подпрыгнув, ловко ухватила за его верхушку, подтянулась на руках и, поставив ноги на поперечный брус, нагнулась на улицу.

На улице было тихо и пустынно. Утренний ветерок слегка колебал русские и прусские флаги, украшавшие фасады домов и заборы.

В эти дни на маленький, никому раньше не ведомый городок было обращено внимание всей Европы. 6 апреля во главе главной армии в Бунцлау прибыли из Калиша русский император, фельдмаршал князь Кутузов со своим штабом и прусский король. Александр, встреченный, как и везде на своем пути, с восторгом и триумфом, остановился здесь на несколько дней, чтобы дать некоторый отдых главной армии, насчитывавшей, впрочем, в своих рядах, несмотря на громкое название «главной», немногим больше восемнадцати тысяч, и подождать известий от других отрядов, действия которых были согласованы с действиями главной армии, направлявшейся на столицу Саксонии Дрезден. Прусский корпус Блюхера передовыми отрядами уже занимал памятную Пруссии Иену, Геру и Плацен, сторожа дорогу в Гоф. Русский отряд Винцингероде находился в Лейпциге, действуя на сообщения вице – короля Евгения, и граф Витгенштейн раскинулся по берегу Салы. Между тем было получено известие, что французские войска сосредоточиваются между Вюрцбургом и Эрфуртом, угрожая союзному левому флангу со стороны Гофа.

Все это волновало государя, нетерпеливо рвавшегося вперед, и еще более старого, осторожного фельдмаршала. К этому присоединилась еще болезнь фельдмаршала. Он слабел не по дням, а по часам, уже не мог сесть на лошадь и с трудом сидел в коляске при въезде в город, едва отвечая на восторженные крики:

– Да здравствует» дедушка»!

– Да здравствует Кутузов!

Молодая девушка смотрела на пустынную улицу. Город просыпался. Издали прозвучала труба. Послышался со стороны лагеря рокот барабанов, ржание коней.

Молодая девушка была дочерью старого скрипача, учителя музыки Готлиба Гардера – Герта. Старый Готлиб вынужден был год тому назад покинуть Берлин, где у него были хорошие заработки, и поселиться в Силезии, так как навлек на себя подозрение французской полиции в принадлежности к тайному обществу Тугенбунд. Поселившись в Бунцлау, он кое-как переби-

вался, частью грошовыми уроками, частью работами Герты – вышивками и шитьем. Скромный заработок давал им средства к существованию. Они арендовали на окраине города небольшой домик, верхний этаж которого обыкновенно сдавали.

В настоящее время жильцами старого Готлиба были трое русских офицеров, принятые как стариком, так и его дочерью с истинным восторгом.

Молодая девушка, стоя на заборе, тихонько напевала:

Durchmarshiren,
Einquartiren,
Alimenteren,
Requisiren,
Einscribiren,
Frauentfiiren,
Hausverliren,
Nichtresoniren,
Und doch illuminiren,
Das ist zum krepiren².

В переводе современника, автора известных записок, сопровождавшего в походе императора Александра I статс – секретаря и адмирала А. С. Шишкова:

Мимо проходят,
Дай им постой,
Накорми да напой;
Тут тебя схватят,
В солдаты возьмут,
Жену уведут,
Весь твой скарб и дом
Опрокинут вверх дном,
Согнут тебя в дугу,
Все, все им в горло суй,
Молчи, – ни гу – гу,
И еще иллюминуй;
Ну, право, лучше смерть,
Чем это терпеть. }

Последние слова песни девушка пропела с особенным чувством, и в ее голосе послышались слезы.

– Bravo, bravo, фрейлейн Герта! – раздался за ней веселый голос. – Я и не знал, что вы так прелестно поете.

Девушка обернулась, слабо вскрикнула и, вся вспыхнув, неловко соскочила с забора и чуть не упала, от чего сконфузилась еще больше.

Перед нею в полной парадной форме стоял молодой русский офицер.

– Ах, господин Новиков! – воскликнула она, – как вам не стыдно подслушивать.

– Подслушивать, – смеясь, ответил Данила Иванович. – Сперва, правда, вы только мурлыкали, а кончили так громко, что, я думаю, в доме слышно. Ну, с добрым утром.

И он протянул Герте руку.

² В переводе А. С. Шишкова

– С добрым утром, – ответила Герта, пожимая руку молодого офицера. – Однако как вы рано встали. А ваши друзья еще спят?

– Встают, – отозвался Новиков.

– Ну, как чувствует себя ваш князь? – непринужденно начала Герта. – Отчего он всегда такой печальный? У него, наверное, осталась в России невеста? Да? Вот мой двоюродный брат Фриц (он поступил теперь в ландвер) тоже все вздыхает. Он был студентом в Гейдельберге, и там у него невеста. Нет, если бы я полюбила, я пошла бы за любимым человеком на войну...

Герта весело болтала, но при последних словах ее глаза потемнели, и лицо приняло решительное выражение.

Новиков смотрел на нее, и на его энергичном лице ясно выразилось восхищение.

– Нет, фрейлейн Герта, – ответил он, – у князя не осталось невесты в России. У него просто меланхолический характер. Так вы бы пошли на войну? – спросил он.

– Пошла бы, – потрянув своими великолепными косами, произнесла Герта. – Но, однако, – закончила она, – раз вы и ваши друзья уже встали, надо подумать о завтраке.

– Очень хорошо, – сказал Новиков. – Тем более что мы торопимся в штаб.

– В таком случае – бежим, – крикнула Герта. – Рыцарь, за мной.

И она побежала к дому. Новиков поспешил за ней.

II

Князю Бахтееву с Новиковым пришлось потратить значительно больше времени, чем они предполагали, прежде чем им удалось добраться до главной квартиры. Прежде всего, главнейшее затруднение составляло отсутствие почтовых лошадей, всеобщая неурядица, карантины. А когда они переехали русскую границу, то получили самые неопределенные и противоречивые сведения о местопребывании главной квартиры. Положим, это объяснялось очень просто. Император стремительно двигался вперед, и сегодня был здесь, а завтра уже на пятьдесят верст впереди. Наконец, после долгих блужданий друзья нагнали главную квартиру на походе из Калиша, в одном переходе от Бунцлау. Но добраться до штаба им удалось только по его прибытии в город. Тут начались новые мытарства. Двухэтажный домик на углу Schlosstrasse и улицы Николая, где остановился фельдмаршал, походил на осажденную крепость. Прусские и русские офицеры всех родов оружия наполняли небольшие приемные в нижнем этаже, узкий двор, толпились на улице. Бесперывно прибывали курьеры от армии графа Витгенштейна, от отряда Блюхера и снова неслись назад с приказами фельдмаршала. Никто не обращал внимания на прибывших из России молодых офицеров. С ними едва разговаривали, нетерпеливо отмахиваясь от них. Они даже не знали, где могут остановиться на постой. Князя Бахтеева обидно поразило то, что к прусским офицерам относились гораздо внимательнее. В то время как городские власти предупредительно предоставляли бесплатные помещения приезжавшим прусским офицерам, русские должны были сами заботиться о себе. Военное начальство тоже не принимало в них участия. Офицеры рыскали по городу. Прусские офицеры, несмотря на братство по оружию, заметно держались особняком, всюду стараясь выдвинуться на первое место, в чем, к обидному удивлению русских, их словно поощряло военное начальство. Это было дурно понятое великодушие русского императора. Вступая как освободитель на прусскую территорию, Александр хотел щадить самолюбие униженного народа и выразил желание, чтобы русские войска относились со всевозможным вниманием к своим союзникам. Ближайшие начальники довели это до крайности и при малейшем недоразумении принимали сторону немцев. Усердие дошло до того, что из Эльбинга, где была главная квартира Витгенштейна, пришел приказ, которым предписывалось, чтобы все командиры отдельных частей представляли от местных немецких властей, где квартировали их отряды, свидетельства о хорошем поведении!

Этот приказ был подписан дежурным генерал – майором и кавалером фон Ольдекопом.

Но в то время как офицеры регулярной немецкой армии и зажиточные бюргеры и фермеры вели себя заносчиво и недоверчиво, простое население и ополченцы радушно и радостно встречали своих будущих освободителей. Получалось странное явление: официальная Пруссия во главе с самим королем относилась к русским недоверчиво и высокомерно, тогда как народ видел в них друзей. Во главе народного движения стоял знаменитый Штейн, как бы второй король Пруссии, которого венчаный король Фридрих – Вильгельм явно не любил и опасался.

На помощь друзьям явился случайный знакомый, молодой офицер кирасирской дивизии из колонны генерала Торماسова поручик Зарницын. Зарницын как раз состоял при генерал – квартирмейстере и, встретив друзей во дворе штаба, выручил их. Он предусмотрительно за день до вступления армии в Бунцлау успел снять у Гардера верх, состоявший из двух комнат, и предложил друзьям поселиться у него. Конечно, они с благодарностью приняли это предложение.

В тот же день они стали друзьями. Семен Гаврилыч Зарницын непрерывно совершил весь поход от самой Москвы. Он уже огляделся вокруг и был очень полезен своими советами.

Герта хозяйничала за столом, разливая кофе. Старый Готлиб, высокий, сухой, с худым лицом и длинными седыми волосами, падавшими ему на плечи, сидел в глубоком кресле. Его истощенное лицо с глубоко запавшими глазами было печально и задумчиво. Князь Бахтеев, действительно, имел угрюмый и мрачный вид. Он заметно осунулся, и его лицо приобрело неприятное жестокое выражение. Новиков и Зарницын, напротив, были очень оживлены. Новиков не переставая болтал с Гертой, кормил и ласкал Рыцаря, а Зарницын, худощавый блондин с открытым, смелым лицом, поддерживал его веселыми шутками.

Окна маленькой столовой с одной стороны выходили на улицу. Городок уже проснулся. На улице было заметно оживление. То и дело скакали всадники, прошел взвод гренадер, очевидно, занять караул. С плетеными сумками шли хозяйки за провизией.

– Скоро у вас опустеет, – сказал Новиков, смотря в окно.

– Да, – ответил Готлиб, – все, кто имеет силы держать в руках оружие, уйдут туда, – и он сделал неопределенный жест рукою. – Останутся только женщины, дети и старики, как я. Вот когда я тоскую о своей молодости и еще о том, что у меня нет сына, – грустно закончил он.

Герта вспыхнула и низко опустила голову. Новикову показалось, что на ее глазах блеснули слезы. Ему стало жаль ее.

– Вы должны благодарить Бога, господин Гардер, – сказал он, – за то, что у вас есть дочь. Отечество требует не только крови своих сыновей, но героизма и самоотверженности своих дочерей, их забот, их мужественного сердца, вдохновляющего мужчин на битву.

Готлиб бросил на Герту полный любви взгляд.

– Вы не так меня поняли, господин офицер, – ответил он. – Я хотел бы, кроме дочери, еще иметь сына, чтобы отдать все на жертву родине, так как у меня ничего нет иного. Сам я никуда не похожу...

Герта совсем притихла, не поднимая потемневших глаз от недопитой чашки с кофе.

Бахтеев взглянул на часы и встал.

– Однако нам пора, – сказал он. – Благодарю вас, господин Гардер, благодарю вас, фрейлейн Герта.

Зарницын и Новиков поднялись тоже.

– Действительно, пора, – произнес Зарницын. – До свидания.

Они поклонились и вышли.

Герта молча убирала со стола. Готлиб задумчиво сидел, опустив голову.

– Да, – прервал он наконец молчание, – у нас ничего нет, что могли бы мы пожертвовать отечеству. Герта, – продолжал он, и его голос дрогнул, – у меня есть еще моя старая скрипка... она дорогая... Я стар, пальцы меня уже не слушают... продай скрипку...

Его голос оборвался.

Герта порывисто выпрямилась. Она знала, что скрипка была, после нее, лучшим сокровищем старика. Она знала, что эта скрипка в минуты тоски, уныния и горя была единственной отрадой и утешением старика...

– Никогда, отец, – решительно сказала она, тряхнув головой. – Никогда! Я уже думала... и мы, быть может, найдем что-нибудь.

– Найдем, – грустно повторил старик. – Ты знаешь, я лишился теперь последних уроков, у тебя тоже теперь мало работы... Ведь не можем же мы взять деньги с русских офицеров, принесших нам свою кровь!

– Нет, – покраснев, сказала Герта, – мы не возьмем с них денег. Мне князь сказал, что они не обременят нас. Он, очевидно, хотел говорить о плате, но я отклонила этот разговор. Нет, я надеюсь на другое.

Готлиб вопросительно смотрел на дочь. Герта, видимо, была смущена.

– Я встретила вчера жену городского советника Мельцер, – в смущении произнесла она. – Фрау Мельцер сказала, что у нее много работы, и велела мне зайти сегодня. Я сейчас пойду к ней, – торопливо добавила она.

Старик покачал головой.

– Этот толстый Мельцер дурной человек, – сказал он, – при его богатстве он с трудом пожертвовал двадцать талеров и всячески бранит Штейна за войну. Говорит, что король никогда бы не согласился, если бы не Штейн. Еще бы, он богат... Ему все равно, что король, что Наполеон. Он всюду говорит, что война одно разорение, что мирным гражданам и так хорошо живется, а Наполеона все равно не победить... Не стоит и идти к нему... – закончил старик.

– Я все же пойду, отец, – ответила Герта, – его жена, кажется, хорошая женщина.

– Ну, что же, иди с Богом, – произнес Готлиб.

Герта поцеловала отца, взяла в руки плетеную сумку, накинула на голову темную косынку, позвала Рыцаря и вышла.

III

На улице было большое оживление. Все словно куда-то торопились. Особенно много народу направлялось по большой улице к ратуше, где записывались ополченцы и принимались пожертвования. По дороге Герта встречала и ополченцев в серых и черных куртках, высоких сапогах, в разнообразных шапках, на которых виднелся жестяной крест с надписью: «С Богом за короля и отечество».

Некоторые из ополченцев шли с ружьями, другие были опоясаны саблями, с пистолетами в чехлах. Были и с пиками. Вид у всех был веселый и бодрый.

Герта шла быстро, не останавливаясь, но совсем не к дому советника Мельцера. Она остановилась на углу у дверей маленькой парикмахерской. На пороге, глаза на толпу, стоял молодой человек. Увидя Герту, он радостно улыбнулся и низко поклонился.

Это был парикмахер Ганс.

– С добрым утром, фрейлейн Герта, – начал он, – куда спешите?

В этом квартале маленького городка все знали друг друга, тем более Герту, которая сама ходила на базар и шила на многих. А парикмахеру Гансу удалось даже один раз причесать ее, когда она в прошлом году собиралась на свадьбу соседской дочери. Кроме того, как профессионал, он любовался тяжелыми волосами Герты и уверял, что таких кос нет больше в Бунцлау, да мало, пожалуй, найдется и во всей Пруссии.

– Нет, Ганс, – ответила Герта, – я прямо к вам.

– Ко мне! – воскликнул радостно Ганс, – милости просим. Уж не предстоит ли в ратуше бал по случаю пребывания высоких гостей? Ну, что ж! Из ваших волос, фрейлейн Герта, мы сделаем восьмое чудо света. Вы будете красивее покойной королевы. Милости просим.

Он пропустил в свою лавочку молодую девушку с Рыцарем, который в этой местности пользовался не меньшей известностью, чем его хозяйка.

Герта не торопясь сняла со своих роскошных волос косынку, положила на стул сумку и, обратившись к Гансу, сказала:

– Так вы находите, что мои волосы хороши?

– Единственные! – в увлечении воскликнул Ганс.

– А сколько могли бы стоять такие волосы? – улыбаясь, спросила Герта.

Ганс бросил на тяжелые косы взгляд знатока, слегка коснулся их мягкой волны и серьезно сказал:

– За такие волосы было бы мало дать десять талеров.

– Ну, так вот, – произнесла Герта, – возьмите эти косы и дайте мне десять талеров.

Ганс даже отшатнулся, широко раскрыв рот.

– Вы шутите, фрейлейн, – растерянно произнес он, – я никогда не решусь на это!

– Почему? – серьезно спросила Герта. – Разве вам никогда не приходилось стричь женщин?

– Да... но... вы... такие волосы... – в смущении бормотал Ганс. – Я не могу... Было бы преступлением покупать такие волосы. Это все равно, что оскальпировать человека за деньги. А я не дикарь! – с гордостью закончил Ганс.

– В таком случае я вам не продаю волос, а прошу только остричь меня, – сказала решительно Герта. – Если же вы отказываетесь, я сделаю это сама, – и она быстрым движением взяла со стола большие ножницы.

– О, фрейлейн! – воскликнул Ганс, – ради Бога! Хоть не портите... если вы настаиваете, я остригу... Но не куплю! Никогда не куплю!

– Хорошо, – сказала Герта, садясь на стул. – Поторопитесь.

Со вздохом, дрожащими руками Ганс поднял одну косу, потом другую... Как золотые змеи, упали на пол тяжелые косы.

– Теперь подравняйте, – скомандовала Герта.

Все вздыхая, Ганс стал подстригать Герту. Когда все было кончено, Герта посмотрела в зеркало. Она была заметно бледна. Ей нелегко было расстаться с этой гордостью женской красоты. В первую минуту она не узнала себя. Лицо приобрело словно новое, незнакомое выражение, голова стала меньше, а глаза казались больше. Несколько мгновений Герта с изумлением смотрела на себя. Но потом лицо ее приняло веселое выражение, она по привычке тряхнула головой и засмеялась.

– А ведь так гораздо легче, дорогой Ганс, – сказала она. – Благодарю вас. Однако сколько я вам должна?

Но Ганс только печально и укоризненно покачал головой.

– Ну, как хотите, – произнесла Герта. – Так не купите?

– Не могу, фрейлейн, – ответил Ганс.

– Так до свидания и еще раз спасибо, а косы – сюда. И Герта раскрыла сумку. Ганс бережно опустил в нее косы.

Герта подвязала косынку, пожала руку Гансу и бодро вышла из лавочки.

В просторном зале ратуши было тесно. Толпа почти исключительно состояла из женщин. За большим столом сидел пастор и один из городских советников и принимали пожертвования. Перед ними были груды навалены кольца, серьги, браслеты, различная серебряная и золотая утварь – кубки, тарелки, кофейники и проч. На другом конце стола лежали также грудой железные кольца с заветной надписью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.